

Георгий Почепцов

**Информационные войны.
Новый инструмент
политики**

Георгий Георгиевич Почепцов
Информационные войны.
Новый инструмент политики
Серия «Манипуляция сознанием (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9989957

Георгий Почепцов. Информационные войны. Новый инструмент политики: Алгоритм; Москва;

2015

ISBN 978-5-4438-1027-0

Аннотация

Когда Геббельс создавал свое «Министерство пропаганды», никто еще не мог предположить, что он создал новый тип ведения войн. В XXI веке войны приняли новый облик. Война превратилась не только в противостояние военной силы, но и в войну информационных технологий.

Сегодня любая война начинается с информационного «артобстрела». Зачем завоевывать страну силой оружия, сталкиваясь с сопротивлением и неся потери? Ведь можно подчинить ее изнутри, силами ее же граждан. Это и есть конечная цель, глобальная стратегия информационной войны. Американец Джозеф Овертон сформулировал теорию «информационного окна» – комплекса мер, которые позволяют расширять границы допустимого как угодно далеко в любом обществе. Методика информационной войны – расширить «окно Овертона» до такой степени, что воевать не придется, «приз» сам упадет в руки.

Георгий Почепцов – известный ученый, который является ведущим теоретиком информационной войны на постсоветском пространстве. Его книга посвящена современным методам и технологиям войн в информационном пространстве. И после нее мир воспринимается совершенно иначе.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Информационное воздействие на социосистемы	6
Информационная составляющая трансформации социосистем	6
Антропологические революции и их информационный и виртуальный инструментарий	11
Особенности реализации коммуникативно-цивилизационных переходов	15
Информационно-коммуникативные технологии в развитии цивилизации	20
Социокоммуникации и социосистемы	25
Глава вторая. Информационные последствия	28
От врагов народа к диссидентам: чужие голоса в социосистемах	28
Цивилизации и коммуникации: новые подходы	32
Как с помощью коммуникации трансформируются социосистемы	37
Контркультура как социокоммуникативный механизм: опыт СССР	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Георгий Почепцов

Информационные войны.

Новый инструмент политики

© Почепцов Г.Г., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Предисловие

Последние несколько десятилетий в мире набирал силу информационно-коммуникативный компонент. Социосистемы принялись опираться на него в решении своих насущных задач. Политика, экономика, бизнес, военное дело приняли его, сделав своим инструментарием. Сначала он был мультипликатором имеющихся в их распоряжении сил, а потом сам стал главной силой.

Практически все существенные трансформации современного мира прошли с помощью информационно-коммуникативного инструментария. Это и перестройка, и бархатные и цветные революции, а также «революции», прокатившиеся с помощью социальных сетей.

Книгопечатание, разбудив национализм, создало разделение мира на государства. Интернет и соцсети порождают безлидерские революции, ставшие новым феноменом нашего времени.

Инструментарий информационных войн вполне актуален и для мирной жизни, поскольку этим путем вводятся нужные социальные изменения. Социосистемы подталкиваются к новым состояниям именно этим образом.

Мир перестал быть таким, каким он был раньше всего лишь несколько десятилетий назад. Поэтому не все страны оказались одинаково готовыми к этим изменениям. Но без учета этих трансформаций невозможно адекватно жить в измененном и трансформированном мире.

Глава первая. Информационное воздействие на социосистемы

Информационная составляющая трансформации социосистем

Информационная война является самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом. И сила, и слабость здесь лежат в когнитивных возможностях человека. Если обычная война нацелена на тело человека, то информационная или смысловая – на его разум.

Однако элементы информационной войны присущи и многим вполне мирным ситуациям. Это и выборы, особенно президентские, это и войны брендов, это и инструментальный публик рилейшнз, который по сути своей является мягким вариантом информационной войны, поскольку так же, как и пропаганда, например, наиболее эффективен, когда является незаметным.

В социосистеме можно выделить, как базовые, три ее компонента: информационный, политический и экономический. Важность информационного компонента по отношению к политическому и экономическому вытекает из базовости «ядерной» информации по отношению к структуре, на которой она выстроена, отмеченной Дж. Аркиллой¹. Поменяв «базу», как следствие, придется менять и структурную надстройку. Наиболее близким примером является для нас перестройка, которая меняла информационную и виртуальную базу.

Все интенсивные трансформации социосистем строятся именно на интервенциях в это ядро. Все цветные и бархатные революции, начиная с их прообраза – революции в Иране в 1953-м, строились на трансформации Информационного компонента, что в результате вело к трансформации Политического и Экономического компонентов.

Реально в этом случае Информационный компонент подстраивался под как бы будущее состояние социосистемы, к точке, где данная власть будет полностью делегитимизирована, то есть отнюдь не отражает сегодняшнюю реальность. Вдруг он начинает отражать как бы будущую реальность. И уже оттуда начинал трансформировать под себя политику и экономику. Но на данном этапе перехода следует защищать информационный компонент, либо сделав его невидимым (например, пользуясь слухами или социальными сетями), либо правовыми методами (например, концепцией свободы слова), либо финансовыми (независимое финансирование)

В ответ всегда будет давление на информационный компонент, чтобы заставить его действовать синхронно с политическим и экономическим. В норме так и бывает, когда все три компонента соответствуют друг другу. Но в критические моменты, например – перестройка или оттепель, именно информационный или виртуальный компоненты начинают «барахлить» с точки зрения большой системы.

Есть еще четвертый компонент, который можно обозначить как Массы. Именно его пытаются активировать во время любых революций. Происходит то, что можно обозначить как ПЕРЕХВАТ УПРАВЛЕНИЯ. Если в норме управление идет из политического и экономического компонента, то в процессе перехвата управления соответствующие импульсы как бы вдруг начинают идти от Информационного компонента или от компонента Массы.

¹ Arquilla J., Ronfeldt D. Looking ahead: preparing for information-age conflict // In Athena's camp. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 1997

В советское время такую функцию как бы независимого компонента пытались играть диссиденты, позволявшие себе в жесткой тоталитарной системе критику советского строя. Однако, не имея выхода на советские массовые коммуникации, это не было успешным вариантом информационного потока. Драматург А. Гельман говорил, что пьесы и кино сделали больше для будущей перестройки, чем диссиденты (программа «Художник и власть» на канале «Совершенно секретно», 14 мая 2014 г.). И это понятно, поскольку они имели массовое распространение, а диссидентов мало кто знал.

Советский Союз мог удерживать диссидентов вне своего публичного поля достаточно просто, имея систему цензуры. Но сегодня, когда появился резко менее контролируемый властью вариант коммуникаций – интернет, такая практика была бы невозможной. И это говорит о том, что СССР все равно бы с неизбежностью распался, хотя и с опозданием на двадцать лет.

Сегодня мир скатывается в период очередной холодной войны, поскольку, с одной стороны, он был более прост для управления, имея не многополярность, а только двуполярность, поскольку «горячие» конфликты были только на периферии. С другой стороны, продвижение западных ценностей в виде, например, демократии натолкнулось на мимирию этого на постсоветском пространстве. Российский концепт «управляемой демократии» оказался более удобным для лидеров этого пространства. Эффект этого двойного управления, когда и демократия и верховенство права остаются чисто вербальными обозначениями, поскольку все основные решения принимаются в советской модели жесткой иерархии и соответствующей ей монологической коммуникации, привел ко всем тем последствиям, которые мы сегодня имеем. Недовольство общества зашкаливает, но тормозится тем, что все научились произносить правильные слова.

Когда нет демократического управления, а оно требует более сложных структур и инструментов управления, чем просто физические действия (от стукания кулаком по столу до арестов), происходит постепенное накопление нестабильности. Когда все начальники заняты зарабатыванием денег, если не на свой золотой батон, то на свой золотой бублик, система не будет двигаться вперед.

Советский Союз для управления пользовался, условно говоря, Экраном, под которым будет иметь в виду пропаганду, постсоветское пространство – Прилавком. Но Запад для стабилизации добавлял к этому сочетанию Зарплату, поскольку еще в момент создания общества потребления олигархии того времени поняли, что они не смогут наращивать производство, не обеспечив потребителя деньгами для наращивания потребления. Это была не только зарплата, но и разного рода кредитные схемы, что и создало тот вариант Запада, который мы имели. То есть мы взяли не все западные компоненты, получив в результате

Таким образом и Советский Союз, и постсоветское пространство являются неустойчивыми образованиями, поскольку СССР мог компенсировать свои недостатки пропагандистской составляющей, которой нет у постсоветского пространства.

Ничего нового в пропагандистском воздействии, кроме новых средств доставки сообщений, мир не знает. Постепенно сменялись именно средства доставки сообщений. Сегодня мы имеем сочетание таких трех новых средств: телевидения, интернета и протестующей улицы. Последний компонент мы именуем новым, поскольку в нынешних реалиях уже нельзя, как сто лет назад, просто расстрелять протестующих. Именно поэтому он и начинает играть новую роль.

Именно сочетание физического пространства (улица) и информационного (телевидение, интернет), а также виртуального (борьбы за справедливость) создают тот взрывоопасный вариант, на который не может адекватно реагировать власть, поскольку современная власть уже не имеет того инструментария, который был распространенным более ста лет назад – расстрела демонстрантов. То есть физический инструментарий получил серьезные

ограничения. Одновременно, как следствие, существенное развитие получил информационный инструментарий, а также виртуальный.

У западного мира была в этой модели управления еще одна существенная задача – создать общество потребления, которое бы позволило не только удовлетворить граждан, но и сделать процесс производства бесконечно растущим. Те методы, включая ПР и рекламу, которые для этого возникли, не нужны были Советскому Союзу, поскольку он имел, наоборот, дефицит потребления. Поэтому Советский Союз вложил свои умения в виртуальное производство – качественные литература, искусство, кино порождали мир счастья, который не нуждался в наращивании физического потребления, по крайней мере, мог его каким-то образом компенсировать..

Советский Союз заменил физический вариант счастья в виде потребления виртуальным. Он закрывал физический разрыв с Западом не только железным занавесом, но и железной аргументацией, где было две важные составляющие: ВРАГ и СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ. ВРАГ всегда мешал счастью в сегодняшнем дне, что позволяло объяснять отсутствие этого физического варианта счастья, но зато не только не было войны, но было и СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ.

Каждая идентичность базируется и на своем достаточно определенном прошлом. Для этого из прошлого берется то, что соответствует сегодняшней модели мира. Германия видела в истории свое арийское прошлое, СССР первоначально откидывала всю русскую классическую литературу, сбрасывая ее с «корабля современности». Кстати, в критические периоды вдруг происходит расширение этой исторической базы: СССР в период войны вспомнила и русских полководцев, и русскую православную церковь. Это расширение «базы», даже внезапное, позволяет усилить единство населения. На бытовом уровне это можно понять так: достается спрятанное, поскольку все остальное уже было использовано.

В прошлом близкий инструментарий использовали и римляне. Они включали новых богов захваченных территорий в свой пантеон, хотя и на второстепенные роли, что резко снижало последующее сопротивление нового населения. Как видим, религия и идеология опираются на близкие механизмы, то есть виртуальное пространство подчиняется единым законам.

Реально это все равно трансформация виртуального пространства, поскольку «мои» боги смещаются на маргинальные позиции, хотя и продолжают называться богами. Но виртуальное пространство все равно постоянно подвержено мутациям. Например, А. Лазарчук пишет о создании истории Америки не по реалиям, а по кинособытиям: «Это создание вестерна или создание мифа о мафии. Понятно, что точкой отсчета все равно была реальность, но одна реальность начинает гиперболизироваться, подавляя все остальное». Он справедливо замечает²: «Шло массированное замещение реальной памяти памятью мифологизированной».

Практически тот же процесс прошло и российское кино и телевидение, создав образ сталинского времени, которое, как и вестерн, оказалось выгодным для повышения уровня зрелищности повествования. Вероятно, важным компонентом подобных массовых жанров становится использование в сюжете смерти. А показ смерти, как установлено в таком направлении, как теория менеджмента террором, меняет поведение тех, кому она демонстрируется. Сюжетное «право» на смерть есть в детективах, вестернах и рассказах о сталинском времени.

И еще одна особенность. Если Ленин был всегда живым раньше, то в сегодняшнем кино вечно живым стал Сталин, о чем много и с технологических позиций пишет Д. Донду-

² Лазарчук А. Голливуд как машина реальности. Часть 2 // terra-america.ru/hollywood-kak-mashina-2.aspx

рей, который считает это сознательным подходом современной власти в России, поскольку все это возрождает патерналистскую зависимость граждан от государства.

Интересно на близкую тему высказался режиссер мультипликационного кино Г. Бардин³: «Мы сейчас все это глотаем оттого, что не распрощались с прошлым умно и честно. Надо было, чтобы КГБ покался, а не выдвинул наверх своего гордого сына Путина. Как так: чтобы выходец из КГБ стал руководить страной, которая была смята тем же НКВД, пролившим море крови?! Он гордится этой историей, а я – нет. У нас разное детство, мы читали разные книги, у нас разное воспитание, поэтому нам с ним никогда не сойтись. И сейчас что ни сериал, герой – кагэбэшник. Лизоблюды-режиссеры стали всю славить эту профессию».

Очень сильную роль в переносе этой модели мира на постсоветское пространство в целом играет и русский язык. М. Руднев, к примеру, приводит следующие результаты исследований по сближению ценностей в наше время⁴: «Титульное население каждой из 4 рассматриваемых стран отличается от россиян сильнее, чем русскоязычные, живущие в этих странах. В Эстонии титульное население отличается от россиян по 9 ценностям, а русскоязычное – по одной, то есть соотношение 9:1, в Израиле это соотношение 9:5, в Украине – 9:5, в Латвии – 8:7. То есть русский язык определенно играет важную роль в формировании и закреплении ценностей, и связано это может быть с недавней историей. После распада СССР прошло немало времени, но до сих пор у живущих за пределами России русскоязычных людей не сложилось сильной идентификации с титульными народами и государствами. Выросли поколения, во многом воспроизводящие российскую (советскую) культуру».

Все это не является страшным, когда эти ценности остаются в рамках культуры. Когда же такие установки начинают влиять на политику и экономику, возникает элемент непредсказуемости развития социосистемы. По крайней мере, начинает присутствовать определенная ее расбалансировка. Дестабилизация системы имеет много источников, и это один из них.

Зинаида Гиппиус в своих воспоминаниях приводит в качестве примера такой работы опыт Гитлера⁵: «Метод Гитлера, – «5-я колонна», подготовка внутреннего разложения страны, которую он хочет победить, – очень стар. Идет из Германии же, впервые применен в 1917 году. Насажение разлагающего «правительства» (Куусинен, Квислинг) имело тогда оглушительный успех, если не помогло победе Германии, то лишь потому, что запоздало немного. Но вывело целую Россию из строя и – это ли не успех? – сделало ее через 20 лет годной в союзники Германии».

Сегодняшняя поддержка Путина, когда достигнуты ошеломительные результаты, порождает справедливый вопрос: как может быть такая поддержка власти при идущем экономическом ухудшении? Причем в стране сегодня достигнут наибольший разрыв между богатыми и бедными, когда 110 человек держат в руках 35 % собственности⁶. М. Снеговая предлагает следующее объяснение, исходя из имеющихся на сегодня исследований⁷: «новая информация воспринимается нами лишь тогда, когда не угрожает нашим политическим взглядам или целостности нашего мировоззрения. Это ловушка сознания: нам трудно отказаться от идей (пусть и ложных), которые лежат в основе нашего мировоззрения». И

³ Бардин Г. Я надеялся, что здравомыслящих людей больше. Напрасно надеялся. Интервью // www.novayagazeta.ru/arts/63513.html

⁴ Руднев М. О великий, могучий, правдивый... // www.ng.ru/stsenarii/2014-04-22/10_language.html

⁵ Гиппиус З. Язвительные заметки о Царе, Сталине и муже. – М., 2014

⁶ Буев М. Путь к патриархальному капитализму XIX века // www.vedomosti.ru/opinion/news/27226521/vozvrashchenie-viktorianskoj-epohi

⁷ Снеговая М. Может ли целое общество попасть в ловушку сознания // www.vedomosti.ru/opinion/news/27226481/v-lovushke-soznaniya?full#cut

далее: «В авторитарных системах ситуация усугубляется тем, что правдивая информация о режиме не находится в открытом доступе (основные СМИ контролируются властью). Чтобы ее найти, нужно прилагать усилия. Граждане, которые охотнее ищут дискредитирующую режим информацию, – это люди, которые уже изначально негативно настроены к режиму. И наоборот, сторонники режима не склонны заниматься поисками компрометирующей режим информации. Более того, негативные факты, доведенные до сведения сторонников режима, как правило, ими не усваиваются и не меняют их взглядов».

Получается, что стойкость авторитарных режимов базируется как на цензуровании информации, так и на нашей информационной «физиологии», когда сознание не готово воспринимать информацию, которая противоречит уже усвоенному. Поэтому вполне понятной для России можно признать акцию борьбы с врагами, которых называют то национал-патриотами, то пятой колонной, то шестой, а то и просто либералами.

Последней «креативной» акцией этой борьбы стала следующая⁸: «Сообщество «Главплакат» продолжает акцию «Чужие среди нас», внушая гражданам России, что оппозиционные политики, журналисты и деятели культуры сродни отвратительным чудовищам-захватчикам. Спустя два месяца после вывешивания огромного баннера на «Доме книги» на Новом Арбате с изображением пяти оппозиционеров в виде инопланетных существ, люди в масках пришельцев раздавали прохожим на Пушкинской из огромных муляжей яиц почтовые открытки серии «Чужие среди нас» с изображением 49 оппозиционных политиков, журналистов и деятелей культуры. Экземпляры таких открыток были отправлены главным редакторам ведущих СМИ, включая тех, кто сам вошел в список «чужих». Судя по реакции сотрудников полиции, акция была согласована на высоком уровне». И это вновь информационное решение, которое, несомненно, является более мягким, чем у товарища Сталина: оппозиционеров всего лишь объявили инопланетными существами.

Информация способна не только отражать реальность, она столь же активно может создавать новую реальность, которой до этого не было. Информация становится катализатором появления этой новой реальности. И информация более легко управляема, чем реальность, поскольку обладает меньшей инерционностью, ведь она меняется ежеминутно и ежедневно.

⁸ Эйсмонт М. От людей к существам // www.vedomosti.ru/opinion/news/27105011/ot-lyudej-k-suschestvam

Антропологические революции и их информационный и виртуальный инструментарий

Под антропологическими революциями мы будем понимать принципиальные изменения в поведении людей, которые рассматриваются как отдельные этапы в развитии человечества. Наиболее известными из них являются неолитическая и промышленные революции. Неолитическая революция из охотника сделала крестьянина, а промышленная из крестьянина – рабочего. В результате возникли принципиально отличные типы поведения. Это был нелинейный переход.

Сегодня наука уже не столь категорична в понимании, почему это произошло. Оказалось, например, что сельское хозяйство более «затратное», требует больше килокалорий, чем простая охота. А что касается промышленной революции Г. Кларк (его сайт – Gregory Clark // www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark) установил, изучая английские завещания того времени, изменения в головах людей произошли до, а не после промышленной революции. Люди стали больше внимания уделять, например, образованию и гигиене. Их дети учились и выживали гораздо лучше, чем до этого. И промышленная революция была уже следствием, а не началом процесса (Clark G. *A farewell to alms. A brief economic history of the world.* – Princeton, 2007).

В одном из своих интервью Кларк отмечает, что до 1800 г. англичане вообще не купались. В промышленном мире в семье выживали в среднем не более двух детей. Но среди богатых выживали больше, среди бедных меньше. Таким образом богатые берут верх в обществе биологически. А промышленную революцию исследователь выводит из изменений в культуре, а не наоборот, как нас учили в школе.

Еще один его вывод таков: общества охотников-собирателей не могут адаптироваться к современной капиталистической экономике. Как пример он приводит австралийских аборигенов, где в результате такого внезапного перехода возрос уровень бедности, алкоголизма, наркотической зависимости. То есть они совсем не вписались в новый общественный строй.

Мы можем экстраполировать эту ситуацию на нашу страну, которая тоже не может нормально функционировать при капитализме, который внезапно появился. Можно также вспомнить, что такие умения появились только у людей, которые были в стороне от нормальной тогдашней работы (типа Р. Абрамовича, который имел на себе уже и уголовное дело). То есть комсомольские кооперативы и теневики не только создали финансовые интересы, которые толкали систему в новое состояние легализации этих доходов, они породили типажи людей, оказавшихся впереди, на следующем этапе развития. И только им удалось выиграть в этой новой ситуации. То есть теневая экономика и теоретики (Гайдар – Чубайс) породили новый строй. Идеология теневой экономики объединилась с идеологией антикоммунизма.

Новый строй тоже надо уметь легитимизировать. Перестройка была создана, но важным элементом таких искусственных переходов становится невозможность вернуться в исходное состояние. Именно поэтому считается необходимым, например, вводить шоковые методы (Klein N. *The shock doctrine.* – New York, 2007). Поэтому шоковая терапия была применена во всем мире при переходе к либеральному капитализму.

А. Проханов отмечал, что ГКЧП была нужна для легитимной передачи власти от Горбачева к Ельцину. Другого варианта просто не было. Тогда и вариант оранжевой революции в виде третьего тура голосования тоже можно рассматривать как вариант легитимной передачи власти по разрыву «наследственности». И Ельцин, и Ющенко, получив власть, довольно активно пытались выполнить функцию разрушения предыдущего этапа.

Мы имеем каждый раз однотипную ситуацию с такими компонентами:

– новая идеология (новое видение),

- группа адептов, которые работают, в частности, властных позиций,
- расширение этой идеологии на все общество.

Это не только перестройка, но и, скажем, события 1917 г. и введение христианства. В период своего распространения христианство также воспользовалось организационным ресурсом власти при императоре Константине.

Такую же модель мы можем увидеть во влиянии на общество со стороны известного сатаниста А. Кроули, который, как считается, подтолкнул на Западе как эру рок-н-ролла, так и все движение New Age (см. *Spence RB Secret agent 666. Aleister Crowley, British intelligence and the occult. – Post Townsend, 2008*). Кстати, хотя в то время он уже был мертв, это не помешало ему попасть на обложку пластинки «Битлз» и стать вдохновителем многих других известных музыкантов.

Возможно, здесь сошлись два протестных движения. Кроули был представителем контркультуры, как и музыканты. Вообще считается, что протестные музыкальные движения того периода создавались специально: они позволили отвести политическое напряжение в культурную плоскость. Как ни парадоксально, такую же функцию выполнили зеленые накануне распада СССР. Как констатируют исследователи: «В 1960—80-х было нашествие подобных проектов: от экологов и защитников памятников к активистам «новой педагогики» и бардовской песни. В то время власть была вынуждена пойти на «раскручивание гаек» в области общественных движений, чтобы помешать потенциальному уходу недовольных и энергичных в реальное протестное движение (не только диссидентство, но и терроризм)». (Советские «зеленые»: волонтерство под крылом партии и КГБ // tfolk.ru/?p=15495)

Интересно, что был еще один путь «деактивации» протестности. В 1950—60-е главным по количеству было рабочее протестное движение. Но диссиденты-интеллигенты «приватизировали историю протестного движения в СССР». Ведь все внимание было приковано именно к ним, поскольку они несли политические требования, а все остальные протестные движения – нет.

Кстати, не только диссиденты интересовали чужие спецслужбы. Например, главный эксперт ЦРУ Ф. Ермарт говорит, что антиалкогольная кампания времен Горбачева была такой же интересной, как и проблема количества баллистических ракет (*Эрмарт Ф. Анти-алкогольная кампания в СССР нас интересовала не меньше, чем ваши ракеты. Интервью // Известия. – 2004. – 12 марта*). И с некоторых глав этого доклада о развитии советского общества до сих пор не снят гриф секретности.

Сегодня интенсивные изменения вводятся исключительно при помощи создания новой картины в мозге человека. Например, известный политтехнолог А. Ситников вспоминает рассказ бывшего директора ЦРУ Д. Геттингера. (Ситников А. Я учил Наину Иосифовну, как не стать Раисой Максимовной. Интервью // www.sitnikov.com/sitnikov/publication/?id=203). Еще в 60-е годы американцы стали искать эмоции и ассоциации для слов «мать», «родина», «деньги», «США» у советских людей. Это было нужно, чтобы найти пути, которыми можно было изменить негативную реакцию на США на позитивную.

Такая же проблема возникла после 11 сентября в связи с изменением отношения мусульманских стран к США. Тогда была развернута большая кампания, в основе которой лежит сопоставление пяти главных ценностей в США и мусульманских странах. Общим оказался только один параметр – семья и дети. Поэтому информационные потоки были ориентированы на рассказ о реализации этого параметра в США, например, демонстрировались счастливые мусульманские семьи в США.

Британский think tank Институт правительства собрал подобные современные подходы, чтобы определить это т. н. пространство разума – Mindspace ([Mindspace // www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/MINDSPACE.pdf](http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/MINDSPACE.pdf) и здесь). Первыми целями стали: борьба с преступностью, ожирением, за здоровую экологию.

Создан отдельный сайт, где собираются практические исследования в этой сфере – www.mindspace-online.org. Соответствующую работу ведет и французский правительственный центр стратегического анализа (*caim* – <http://www.strategie.gouv.fr/en>). В нем даже были изданы два исследования на тему перехода от фантастики к реальности. Причем если Великобритания активно опирается на чужие разработки, например, Р. Талера (Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness*. – New York, 2009) или Р. Чалдини (Чалдини Р. *Психология влияния*. – СПб., 1999), приглашая их к сотрудничеству, то Франция имеет собственные исследования такого нейropsychолога, как А. Улье (Policy brief 216. *Nudges green: new incentives for green behavior* // archives.strategie.gouv.fr/en/content/policy-brief-216-nudges-green-new-incentives-green-behavior-march-2011, *The brain and the law of practice ethical neurodroit* // archives.strategie.gouv.fr/en/content/brain-and-law-and-practice-ethical-neurodroit-policy-brief-282-september-2012, *New approaches to public health prevention – The contribution of behavioral science, cognitive and neuroscience* // archives.strategie.gouv.fr/en/content/new-approaches-public-health-prevention-contribution-behavioral-science-cognitive-and-neuros).

Англичане даже взяли такую проблему, как игнорирование больными запланированной встречи. Поскольку люди не сообщают об отмене встречи с врачом, это время не может быть использовано для встречи с другим пациентом. По всей стране это в результате составляет 6 миллионов встреч, которые не состоялись и которые стоят 700-800 миллионов фунтов. Исследования, кстати, показали: если человека попросить записать на бумаге время предстоящей встречи, количество случаев игнорирования уменьшается в три-четыре раза.

В свое время много говорилось о разной роли в мышлении человека двух полушарий мозга. Сегодня Я. Макгилхрист написал книгу не просто о двух полушариях мозга, а о том, как доминирование того или иного полушария формировало цивилизацию (западную) (см. его сайт – www.iainmcgilchrist.com). Левое полушарие считается доминантным, поэтому он называет это левым шовинизмом. При этом правое отвечает за общую картину, а левое – за детали. Правое знает, что делает левое, а не наоборот. Полагаясь только на взгляд левого полушария, мы строим мир жесткой рациональности, поскольку правое отвечает за эмпатию, за общественность, за красоту.

Учитывая это мы можем сделать вывод по нашей теме – антропологическая революция может заключаться в изменении доминирования левого или правого полушария. Ведь Макгилхрист пишет об отсутствии протеста в определенные периоды истории, объясняя это именно доминированием правого полушария, поскольку именно левая видит детали.

Я. Макгилхрист подчеркивает, что сложность мира отходит в сторону при линейном взгляде левого полушария. Правое полушарие рассматривает мир как сложный, вместо четких механизмов теперь видятся взаимосвязи, живые структуры. Правое полушарие понимает невербальное, метафорическое, ироническое или юмористическое. Вывод автора: нам нужны два полушария и два взгляда на мир.

Он подчеркивает, что у нас имеется два типа внимания: один из них максимально сужает объект, что позволяет классифицировать его. Это хорошо для манипуляции миром, но плохо для понимания мира, поскольку разъединяет тебя с ним. Левое полушарие отвечает за речь и аргументацию, поэтому он назвал ее «Берлускони мозга», поскольку она несет медийную ответственность. В правом полушарии нет таких возможностей.

Но самое интересное в другом. Он выделяет эпохи, когда такое доминирование левого полушария отступало. Это шестой век в Афинах, пятый и четвертый в Риме, Возрождение (XV, XVI и часть XVII века в Европе). В эти времена было понимание сосуществования противоположного, чего не позволяет левое полушарие. Культуры тех времен не разделяли тело и ум. Со времен промышленной революции началось доминирование левого полушария. Это время логики, рациональности, линейного мышления. Сегодня мы все еще пере-

оцениваем наше умение предвидеть и контролировать благодаря рационализации. Но этот путь заложили Монтень, Дидро, Вольтер еще до промышленной революции.

Требования правого полушария повели Грецию к досократической философии, морали, мифологии, математики, эмпирической науке, драме, музыке, поэзии, которые были богаты на нарратив, метафору и юмор. Требования левого полушария привели к развитию аналитической философии Платона, кодификации законов, распространению коммерции, систематизации знаний (Interview with Iain McGilchrist // frontierpsychiatrist.co.uk/interview-with-ian-mcgilchrist/).

Кстати, исследователь высоко оценивает старую китайскую мудрость, особенно дзэн-буддизм, даосизм и частично индуизм. Именно это он сравнивает с досократовской эрой в Греции. Т. е. когда роль целого была важнее, чем роль детализации.

Вообще левое полушарие не позволяет сосуществовать противоположностям, хотя это возможно для правого полушария. Мы можем увидеть переход, который делает человечество к более «правильной» картине мира, в одной фразе В. Перцева по сравнению богов греческих и римских (Перцев В. Учебник древней истории. Часть вторая. История Рима. – М., 1916. – С. 30): «В ней [римской религии] не было морального безразличия греческой религии, а римские боги не имели тех слабостей и пороков, назначенных греческим богам в эпосе и мифологии». По этой базе мы видим внесение упорядоченности не только в мир людей, но и в мир богов.

Правое полушарие еще отвечает за «автобиографическую память», которая дает возможность мыслить и по-новому оценивать собственный опыт в свете новой информации. Именно поэтому классические книги оказываются лучше разных книг о личностном росте. Кстати, исследования ученых из Ливерпульского университета демонстрируют, что чтение произведений Шекспира активизирует работу мозга. Это связано со сложностью текста, ибо тот же смысл, переданный современным языком, не вызывает такой реакции у человека.

Те же исследователи во главе с профессором П. Дэвисом считают, что чтение может лечить от депрессии. Они предлагают «литературные интервенции» в разные болезни.

Антропологические революции принципиально меняют человека, физиологически оставляя его прежним. Человечество и его история сформированы именно такими антропологическими революциями, которые можно рассматривать как варианты нелинейных переходов в истории человечества.

Особенности реализации коммуникативно-цивилизационных переходов

В свое время Э. Тоффлер все развитие человечество распределил на три этапа: аграрная цивилизация, индустриальная и информационная. Доминирующие средства производства на каждом этапе разные. Сегодня страны, принадлежащие к информационной цивилизации, делают свой ВВП именно с помощью информации.

Но сегодня резко возросла роль информационных механизмов в любой стране и мире. Это имеет существенные последствия для всех важных сфер развития. Например, как следствие, другими на сегодня становятся бизнес, политика, военное дело, государственное управление и, конечно, революции. Именно эти сферы идут впереди по следующим причинам:

- они обладают большим финансированием,
- они базируются на долгосрочном планировании, поскольку работают как бы с будущими объектами,
- они влияют на национальную безопасность страны.

Информационный компонент позволяет осуществлять ускоренными темпами ряд важных процессов: создавать новые элиты, выстраивать и удерживать национальную идентичность, осуществлять модернизацию страны, поддерживать национальную картину мира.

Самым ярким примером результативности информационного компонента является то, как введение книгопечатания Гутенбергом породило национальные государства, то есть создало современную модель мира. Правда, это достаточно долгий процесс. Но как пример потом он снова повторился на примере появления в Индии прессы, которая также активизировала национальное самосознание, и в результате колонизаторы-англичане отступили.

Информирование само по себе не является целью, а только инструментарием для последующих изменений, которые могут произойти в индивидуальном и массовом сознании, в трансформации социосистемы. Мы имеем как бы развилку из двух целей: передача информации и переключение в голове, к последнему ближе всего подходит военный термин «операции влияния – influence operations».

Почему коммуникация может нести подобные последствия? Почему самые сильные трансформации в виде современных революций являются практически всегда коммуникативными, начиная с холодной войны?

У Дж. Аркиллы мы можем найти следующее обоснование. Он разделил информацию на два типа⁹. С одной стороны, это то, что передается. И это и есть основное представление об информации. Но он предлагает еще одно. Информация – это то, что лежит в основе любой структуры. Сменив эту «ядерную» информацию, мы будем вынуждены поменять и всю структуру, которая на ней базировалась, из нее выростала.

Что делала перестройка? Активно меняла именно «ядерную» информацию, в результате чего то, что находилось в ореоле, оказалось выкинутым на помойку. И наоборот – возвращала из небытия фигуры, о которых давно забыли. И это в результате привело к смене всей структуры – СССР распался, и на его базе возникли новые образования.

Исходя из деления информации на ядерную (первичную) и вторичную, удар по социосистеме может иметь следующие виды:

- разрушение ядерной информации,

⁹ Arquilla J., Ronfeldt D. Looking ahead: preparing for information-age conflict // In Athena's camp. Ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, 1997

- разрушение информации вторичного порядка, которая на следующем шаге может вести к изменению ядерной информации,
- постепенная замена ядерной информации,
- постепенная замена вторичной информации.

Ядерная информация является глубинной, она может попадать на поверхность в редких вариантах, например, в виде лозунгов, слоганов. Она реализуется в текстах, в которых сохраняется иерархия общества, заданная ядерной информацией. Основным запрет для порождения текстов состоит в непротиворечивости их принципам ядерной информации.

Примерами замены, а не разрушения ядерной или вторичной информации в истории СССР могут служить диссиденты, шестидесятники, которые хотя и порождали прямые или косвенные антивластные сообщения, но они все равно находились на периферии массового сознания.

Как государства и общества могут защищаться от подобного рода интервенций, направленных на смену базовой информации? Государства, именуемые тоталитарными, вводят мощнейшее цензурирование. Таким образом, «антиядерные» информационные потоки проходят мимо таких государств. Свою «ядерную» информацию серьезным образом защищают все страны. Для этого реализуются варианты, который можно представить себе в виде модели защиты своего Текста. Однако для этого есть два подхода:

- выстраивание «забора», который защищает,
- выстраивание сильного Текста, которые не боятся чужих интервенций.

Если СССР пошел по первому пути, то Запад по второму. Правда, Запад использовал для этого не только политическую пропаганду, которая идет сверху вниз, но и социологическую пропаганду, которая выстраивается в горизонтальной плоскости как воздействие окружающей действительности на массовое сознание. Об этом в свое время писал Э. Эллюль¹⁰.

Государства в принципе всегда создают выгодную для себя информационную среду. Россия, к примеру, контролирует три федеральных канала, которые и смотрят 60-70 % населения, а в интернете, где такой контроль затруднен, удерживает свою точку зрения с помощью собственных интернет-изданий. При этом некоторые передачи смещены на поздний час, когда их смотрит так называемая «ночная Россия», которая не является решающим фактором для власти.

Телевидение как инструмент власти выполняет задачу интерпретации действительности. В противном случае в головах воцарил бы хаос. Однако телевидение делает это достаточно специфическим способом. Например, Д. Дондурей считает, что российское телевидение выполняет в том числе и такую функцию¹¹: «У большинства населения страны усилиями телевидения, газет и радио целенаправленно сохраняется мощнейшая привязка к советскому сознанию посредством непрерывного воспроизводства советских мыслительных парадигм, советских объяснительных матриц. Это огромная и очень специальная работа чрезвычайно выгодна элитам политической и экономической власти».

При этом он считает, что это дает власти возможность выстраивать свою модель мира, где все свое, включая суверенную демократию, в результате чего в страну не идут инвестиции, что позволяет элитам удерживать квазисоветскую модель зависимости населения от власти.

И еще она цитата, которая раскрывает тот крен в сторону развлекательности, в котором сегодня функционирует телевидение. Д. Дондурей говорит: «За неделю на нашем ТВ говорится о кухне в сто раз будет больше, чем за год – о Толстом, Достоевском и Чехове вместе

¹⁰ Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973

¹¹ Дондурей Д. Телевизор – главный инструмент управления страной // www.nsad.ru/articles/daniil-dondurej-televizor-glavnyj-instrument-upravleniya-stranoj

взятых! А ведь это – единственные три русских фамилии, которые знает все человечество. Этих писателей проходят в любой школе мира – от Южной Африки до Исландии и Аляски. Эти три фамилии знает весь мир. Наверное, еще Чайковского. Но за последние годы вы не услышите на основных телеканалах страны ни одной передачи о том, что, мол, давайте-ка в 8 часов вечера поговорим о том, прав ли был Достоевский».

Как видим, коммуникация создает ту цивилизацию, которая ей соответствует. Все революционные изменения строились как раз на том, чтобы вывести информационный компонент на функционирование на шаг вперед. Тогда он заставляет перестраиваться политический и экономический компоненты.

Когда сегодня телевидение работает только на развлекательность, когда отсутствуют познавательные передачи и документальные фильмы, то понятно, что о никакой модернизации страны не может идти речь. Она также невозможна без соответствующей поддержки со стороны науки и образования.

И внешние, и внутренние силы пытаются влиять на системы принятия решений. Более конкретно это принимает вид влияния на индивидуальное или массовое сознание. Это может быть влиянием на системы хранения и обработки информации, которые в традиционном виде могут быть библиотеками и системами образования. Можно изучать одно и забыть другое. Можно тиражировать массово нужный текст, а ненужный издавать только для специалистов.

Еще одним применением коммуникаций стали революции и терроризм. Медийная картинка революций несет им новых сторонников и международное участие. Когда же революции выходят на международный уровень, с ними уже трудно бороться жестко. Без соответствующей медийной картинки были бы невозможны ни бархатные, ни цветные революции. Это все коммуникативные революции, ею же была и перестройка, которая использовала властные медийные ресурсы для распространения антивластных месседжей. Если Пятый канал периода оранжевой революции выступал как оппозиционный, то его месседжи вполне естественно могли быть оппозиционными. Но властные каналы периода перестройки с этой точки зрения не могли передавать оппозиционные месседжи, которые в результате и разваливают страну.

В принципе считается, что телевидение как доминирующее средство не может нести радикальные месседжи. Этот полюс скорее принадлежит интернету (см., например,¹²). При этом как книгопечатание ушло от библии, так и в период перестройки передачи, сделанные для того, чтобы удержать молодежь в системе провластной ориентации, стали рупором антивластной риторики (см., например, о создании «Взгляда» или «До и после полуночи» в воспоминаниях Л. Кравченко¹³). То есть КГБ и Гостелерадио создали в результате рупор для трансляции антивластных месседжей.

Все революции «громят» базовую информацию, например, 1917 год провозглашал «мир – хижинам, война – дворцам» или «весь мир насилия мы разрушим, кто были никем, тот станет всем». Это базовая иерархия общества того времени, которая менялась на противоположную. Если в карнавал иерархия меняется временно, то в революции навсегда.

Движущими силами революции часто становится «обиженный» социальный класс. Непризнанная, появившаяся на тот момент буржуазия породила французскую революцию. Оранжевая революция имела в качестве своей базы средний класс. Но поскольку средний класс опять оказался под молотом государства, пришел Майдан-2.

¹² Behr von I. a.o. Radicalisation in the digital era. – Santa Monica, 2013

¹³ Кравченко Л. Лебединая песня ГКЧП. – М., 2010

Однотипно в терроре важную роль играет телевидение. Например, Д. Дондурей подчеркивает следующее¹⁴: «Без телевидения террор в постиндустриальном медийном обществе вообще не имеет смысла». И еще: «Телевизор работает как основной инструмент распространения этого чувства непреодолимой опасности и как сам удар по чувству безопасности. Очень важно, что террор в этом смысле анонимен. Есть только короткие периоды времени, когда мы знаем или узнаем фамилии жертв, террористов, спасателей, тех, кто был посредником на переговорах. Все это уходит. В отличие от войн старого типа здесь практически не существует героев».

Современные социальные сети облегчают формирование протестных движений. Дискуссии в интернете облегчают закрепляют и усиливают радикальные взгляды. То есть то, что книга делала через поколения, теперь совершается за срок меньший, чем одно поколение.

А. Росс, бывший одно время техническим «гуру» госдепартамента, а сегодня попавший под запрет въезда в Украину как «лучший специалист в мире по организации революций через социальные сети»¹⁵, видит последствия внедрения социальных медиа в следующем виде¹⁶:

- технология ускоряет политические изменения,
- социальные медиа делают слабые связи сильнее,
- лидерство распределяется на больший набор акторов,
- социальные медиа помогают организовывать новостные циклы для внешнего мира.

В интервью газете «День» А. Росси рассказал, что его прадедушка эмигрировал из Киева в Чикаго в 1895 году¹⁷. В этом интервью он подчеркивает, что любая технология является лишь средством. Людей же интересует содержание, которое с помощью технологии передается.

Общество не является однотипно думающим и действующим организмом. Более «уязвимая» социальная прослойка, которая более сильно чувствует несправедливость, выступает в роли социального «будильника» для остальных. Вспомним роль народников в дореволюционной России или роль интеллигенции в СССР, которая то в виде шестидесятников, то в виде диссидентов пыталась пробудить народное сознание. Они запускали в страну иные типы месседжей. Естественно, что антивластные тексты вызвали сопротивление властей.

Социосистемы для своего развития требуют определенного разнообразия, которое вступает в противоречие с требованиями политической цензуры. СССР времен застоя является как раз примером периода, когда политическое цензурирование становится важнее развития. Новые смыслы тогда перестали поступать в социосистему. Она стала материально благополучной в физическом пространстве, но неблагополучной в информационном и виртуальном пространствах. Возникла нехватка разнообразия виртуального порядка.

СССР стал слишком стар в своем функционировании, чтобы удовлетворять интересы молодого поколения. И когда в 1985 г. на сцену реально вышло молодое поколение, оно в результате привело к смене власти. Именно такой прогноз на трансформацию СССР давала в свое время компания Шелл¹⁸. И хотя ЦРУ против него возражало, именно Шелл оказалась права.

Социосистемы динамично изменяются. Вырастают новые социальные слои, которые начинают влиять (или пытаются влиять) на принятие решений. Если социосистема не хочет

¹⁴ Дондурей Д. Террор: война за смысл // polit.ru/article/2004/10/18/dond/

¹⁵ Люди под запретом // www.kommersant.ua/doc/2375834

¹⁶ Ross A. Social media: cause, effect, and response // www.nato.int/docu/review/2011/Social_Medias/21st-century-statecraft/EN/index.htm

¹⁷ Ross A. We are not able to tweet our way to freedom // www.day.kiev.ua/en/article/day-after-day/alec-ross-we-are-not-able-tweet-our-way-freedom

¹⁸ Schwartz P. The art of long view. – New York etc., 1996

видеть этих изменений, она начинает торможение в своем развитии. Но ее все равно пытаются изменить сформировавшаяся новая молодежь (см., например, о креативных кампаниях Демократического Альянса в Майдане-2¹⁹). Сегодня речь идет уже о приходе к власти в 2020 году нового поколения вообще по всему миру²⁰. А это поколение имеет совсем другие ценности. И мир с неизбежностью существенным образом изменится.

Правда, Россия, к примеру, констатирует, что их поколение-2020 не будет сильно отличаться от нынешнего²¹. При этом странным является то, что по одному из последних опросов 60 % жителей России являются потенциальными или фактическими эмигрантами²². И это самый высокий показатель из всех стран-участниц опроса. После России с большим отрывом идут Австрия, Италия и Марокко – имея по 18 % соответственно.

Новая информационная действительность в виде социальных медиа принесла новый вызов для государств. По поводу их Р. Томпсон написала, что они являются эффективным средством радикализации и рекрутирования новых членов, поскольку они всегда там, где находится пользователь²³. Это исследование опирается на исследование массовых протестных акций, совершенных с помощью социальных медиа: Филиппины (2001), Испания (2004), Молдова (2009), Египет (2011). Во время протестных акций в Греции (2008, 2011) организаторы также использовали социальные медиа. Поэтому исследование рекомендует лидерам, работающим в сфере национальной безопасности, быть знакомыми с информационными технологиями, развивать разведывательные и полицейские инициативы, которые могут обнаруживать, сдерживать и уменьшать технологические угрозы, рассматривая социальные медиа как основной способ радикализации.

Коммуникация является самым эффективным способом внесения изменений в этот мир. Поэтому она будет стоять в центре всех изменений. Как книга изменила структуру мира, так интернет сделает то же самое. Он построит новую карту мира, где точкой отсчета станет виртуальная, а не физическая реальность.

¹⁹ 10 фактів про Демократичний Альянс, які викликають захоплення // politiko.ua/blogpost102664

²⁰ Luntz F.I. What Americans really want... really. – New York, 2009

²¹ Исследование Лаборатории сравнительных исследований Высшей школы экономики: российская элита 2020 // gtmarket.ru/news/2013/08/05/6259

²² Исследование Zurich и GfK: Более 60 процентов россиян являются потенциальными или фактическими эмигрантами // gtmarket.ru/news/2013/12/13/6472

²³ Thompson R.L. Radicalization and the use of social media // *Journal of Strategic Security*. – 2011. – Vol. 4. – N 4

Информационно-коммуникативные технологии в развитии цивилизации

При медленном развитии технологий прошлых периодов их последствия, ощущаемые через поколения, носили естественный характер. Изменения, вводимые в рамках одного поколения, могут иметь последствия, которые не только создают, но и разрушают.

Книгопечатание явилось самым сильным по своим последствиям, создав современную картину мира из национальных государств, поскольку книги на национальных языках активировали национализм. Книга также стала первым индустриально произведенным массовым продуктом, создав толчок для последующей промышленной революции. Именно книга трансформировала социосистему, во многом создав современную цивилизацию.

Сегодня информационно-коммуникативные технологии вместе с наукой и образованием стали измерителем успешного движения стран в системе информационной цивилизации. Все это накрепко связано с развитием технической составляющей этих технологий. Но когда-то книга также была просто техническим результатом, к которому пришел человеческий гений. Последствия ее внедрения как бы оказались сильнее самого изобретения.

Практически всегда удачное изобретение начинает потом жить своей собственной жизнью, которая отличается от той, которую программировали для него его создатели. В своем развитии книга вырвалась из печатания исключительно Библии, как это было задумано вначале, а интернет перестал быть тем, для чего его придумали военные.

Все, что окружает нас в области работы с информацией, когда-то было изобретено впервые: и университеты, и библиотеки, и лаборатории²⁴. Они были другими в своем первом «пришествии». Александрийская библиотека была сожжена по приказу захватчика-султана, который считал, что если в собранных там книгах написано то, что в Коране, – она не нужна, а если то, что противоречит Корану, – она тем более должна быть уничтожена. Эта библиотека в своем первоизданном виде скорее напоминала сегодняшний научно-исследовательский институт, ведь там не только хранились книги, они переводились, переписывались, в ней ставились эксперименты, чтобы затем описать их в книгах, точнее в прообразах того, что мы сегодня понимаем под книгой. Первые университеты тоже были другими: они не были географически привязаны к определенной точке, если преподаватель уезжал куда-то в другое место, то студенты следовали за ним туда же.

Первой коммуникативной технологией, вероятно, следует считать сакральные языки и ритуалы. Так жрецы защищали свои священные тексты от вмешательства извне. Священные книги только с большим запаздыванием стали появляться на национальных языках. Эти тексты не подлежат критике, это воспринимается как богохульство. Жрецы также были закрыты от критики.

Но такая же модель присуща и тоталитарным государствам. Книги классиков марксизма-ленинизма можно было только цитировать, но никак не критиковать в Советском Союзе. Было множество социальных ритуалов, участие в которых было обязательным для каждого советского человека. Такие государства защищают свои тексты цензурой и тиражированием миллионными тиражами только того, что не противоречит одной-единственной модели мира. Для воспитания правильного поведения использовалась та же модель создания «святых», что и в христианской агиографии. Сегодняшние исследователи (Дебрэ, Бурстин) справедливо отмечают, что герой прошлого был заменен на знаменитость (селебрити), которая получает свою известность уже не в физическом пространстве, а в информацион-

²⁴ McNeely I.F., Wolverson L. Reinventing knowledge. From Alexandria to the Internet. – New York – London, 2008

ном. Технология раскрутки поп-звезд становится «катапультной» для создания героев современности.

Так строились монологические государства прошлого, где альтернативные голоса не имели права на существование. Технология книгопечатания расширила возможности для существования альтернативности. Кстати, интернет является аналогом того же процесса. Книга породила реформацию как альтернативный вариант церкви. Кстати, некоторые исследователи выводят отставание российско-постсоветского пространства именно из того, что царь Петр сделал церковь еще одним своим министерством, тем самым в нашей истории не возникло «двоевластия» в головах, которое есть у западного человека.

Альтернативность тяжело входит в наше общество. Россия вводит единый учебник истории. Массовая культура в виде кино дает одну-единственную интерпретацию жизни Сталина и Берии, Фурцевой и Хрущева, Брежнева и Ельцина.

Майдан в этом плане может рассматриваться как инкубатор новых смыслов, которые могут проявиться только в арсенале протестности. Если лидеры оппозиции стоят и за должности, то Майдан исключительно за смыслы. В результате есть Майдан, есть смыслы, но нет лидера. Лидера не только должны видеть все, но и он должен видеть дальше всех. Только так к нему возникнет доверие.

Медиакартинка задает и определяет не только власть, но и протесты. Чем ярче медиакартинка, тем более верным и правильным воспринимается событие. В политике медиакартинка давно стала главным инструментарием. Главный советник Буша Карл Роув любил смотреть телевизор во время выборов вообще без звука: его интересовала исключительно картинка.

То есть современная война миров между реальным и физическим пространством завершается победой виртуального. 4-5 часов в день люди смотрят телевизор, сюда можно добавить компьютер и кино. В результате чего получается совершенно иная картина. Если раньше люди отправлялись в виртуальный мир на малый срок и осторожно, как полярники, то теперь они освоили этот мир и уже живут в нем.

Следует также помнить, что есть множество профессий, которые базируются на специфическом коммуникативном инструментарии. Это, например, спичрайтер, пресс-секретарь, спин-доктор. На своей коммуникативной технологии базируется допрос (см., например,²⁵) и терроризм (см., например,^{26 2728}). Е. Холмогоров пишет: «В качестве коммуникативного акта теракт представляет собой коммуникацию между террористом или террористической группой с одной стороны и государственной властью – с другой. Общество не является самостоятельным элементом этой системы – оно выступает только в качестве резонансной среды. «Сообщение», которое закодировано в теракте, имеет своим адресатом власть и только власть. Теракт является средством воздействия на политические решения».

Перед нами вновь возникает вполне конкретная коммуникативная технология. Что же такое коммуникативная технология, как мы можем ее задать? Коммуникативная технология позволяет более эффективно, с меньшей затратой сил достигнуть желаемого результата, работая с вербальным материалом и другим сознанием. Слово «коммуникативный» как раз и акцентирует наличие другого сознания, поскольку в коммуникативных технологиях, в отличие от информационных, «другой» максимально принимается во внимание.

²⁵ Капеллан Тим. Приемы разведывательной и контрразведывательной работы // www.apn.ru/special/article30655.htm

²⁶ Холмогоров Е. Террор. К осмыслению феномена современного терроризма // www.strana-oz.ru/2002/3/terror

²⁷ Холмогоров Е. Пони бежит по кругу (терроризм и автореференция) // 100knig.com/egor-xolmogorov-poni-begaet-po-krugu/

²⁸ Холмогоров Е. Волгоградский теракт как запуск самореференции // holmogor.livejournal.com/6085369.html

Кроме технологий, где преобладает гуманитарная составляющая, есть технологии, где доминирует техническая составляющая. Они несут не только великие блага, но и такие же великие опасности. Для примера можем взять понятие кибервойн, о которых первым писал Дж. Аркилла²⁹ (он же первым обрисовал и сетевые войны³⁰). Тем более, что компьютерные «закладки», которые в своих машинах оставляют производители, страшат всех.

Р. Кларк, работавший при четырех президентах США в Белом доме, подчеркивает, что самым защищенным от кибератак государством в мире является Северная Корея, поскольку в ней очень мало компьютеров³¹. Он также раскрывает неизвестные для нас факты, что когда юристы Клинтона стали «нападать» на Майкрософт за создание монополизма, компания переключилась на поддержку Клинтона. Если с 1998 по 2002 гг. большая часть донорских денег шло от них к республиканцам, то потом перешло переключение на демократов. Например, в 2008 г. Майкрософт дал демократом 2,3 миллиона долларов, а республиканцам только 900 тысяч.

Кларк выделяет следующую «триаду» в стратегии защиты США. Это три наиболее важные для защиты системы:

- самые крупные интернет-провайдеры, имеющие свои кабели, позволяющие попадать в любую точку США, их число менее десяти, и они должны распознавать по информации, идущей по ним, возможные опасные вирусы,
- энергосистемы (таких крупных в стране три: западная, восточная, а также отдельная для Техаса), поскольку без электричества страна не сможет жить,
- министерство обороны, поскольку именно оно отвечать кинетически на любые атаки.

Кларк считает, что неправильной является точка зрения, согласно которой США могут и должны ударить первыми, что должно снизить внимание к вопросам защиты.

Интернет имеет техническую и гуманитарную составляющую. По технической линии развитые страны получают до ста атак ежедневно, однако в основном это проверка на прочность или технический шпионаж. Запад называет в качестве основного источника этих атак Китай и Россию.

Интернет в гуманитарном использовании – это социальные медиа, которые открывают собой большой сегмент информационного пространства, которое, к счастью или к сожалению, в зависимости от интересов, не подлежит на сегодня цензурированию. Цензурирование в определенной степени пытаются создать за счет усиления в интернете властной точки зрения. Этим занимаются в первую очередь Китай, Россия, Израиль. США действуют однотипно, но на чужой территории.

Эта свобода интернета зиждется в сильной степени также на феномене анонимности. Например, В. Серф замечает следующее³²: «Анонимность очень важна. Например, бывают ситуации, когда человек должен рассказать о происходящем и при этом чувствовать себя защищенным. Это иногда называют «политикой защиты уведомляющих о подозрениях в совершении неправомерного действия», защиты информаторов. В некоторых частях света анонимность просто необходима, в противном случае жизни человека может угрожать опасность. Так что я за анонимность. Но я не считаю, что она решает все вопросы. Есть ситуации, когда важна серьезная проверка личных данных того, с кем вы имеете дело. Например, вы должны быть уверены, что тот или иной сервер в самом деле принадлежит компании, с которой вы взаимодействуете, а не кому-то еще».

²⁹ Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is coming! // In the Athena's amp. Preparing for conflict in the information age. Ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, 1997

³⁰ Arquilla J., Ronfeldt D. The advent of netwar // Networks and netwars. Ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, 2001

³¹ Clarke R.A., Knake R.K. Cyberwar. The next threat to national security and what to do about it. – New York, 2010

³² Анонимность очень важна. Интервью с В. Серфом // lenta.ru/articles/2013/12/06/cerf/

Новым феноменом, куда обратились взоры исследователей, стал феномен трансмедиа. Причем это не то, что первым приходит на ум в этом случае – перекодировка тех или иных текстов и сюжетов в разные варианты, когда комикс может стать фильмом, поскольку этот сюжет апробирован и привлек читательский интерес. Это иное – это распределение сюжета по разным платформам, чтобы получить в результате мультиплатформное рассказывание³³.

Г. Дженкинс подчеркивает, что каждый тип медиа может внести свою составляющую в рассказываемую историю³⁴. В этом видят будущее индустрии развлечений³⁵. Человек у компьютера, как оказалось, в принципе потребляет больше фильмов, CD и всего другого, а не меньше, как казалось раньше. В результате трансмедиа несет коммерческий успех, поскольку одни люди сидят в одних нишах, другие – в других. А здесь используется все сразу.

Новые технологии дают принципиально новые возможности. Кстати, Голливуд уже не удовлетворяет создателей видеоигр. П. Молино, являющийся ведущим европейским дизайнером видеоигр, говорит на эту тему³⁶: «Проблема с большинством голливудских героев состоит в том, что я устал от них. Джеймс Бонд, Том Круз – характер героя замкнут в конкретике. У него должен быть любовный интерес, они должны завершить в постели, он никогда не говорит под пытками. Единственным удивительным моментом является то, находятся ли они на вершине скалы или под водой».

Все это говорит об определенной исчерпанности кино, поскольку порог новизны оказывается потерянным. Но с другой стороны литература потеряла его еще раньше. А. Генис, к примеру, акцентирует следующее³⁷: «Нет ни одного писателя, который мог бы по качеству литературы сравниться с прошлыми поколениями: ни в России, ни тут, нигде. Вот Умберто Эко, он-то должен знать, и я спросил у него про это. Он сказал: «Они все пересказывают Ромео и Джульетту на своем жаргоне». Я просто считаю, что сейчас не время для художественной литературы. Зачем писать роман в 800 страниц, если можно поставить кино на два часа? Я бы точно кино поставил, если б мог».

Развитие индустрии видеоигр приводит к тому, что по этой программе открываются магистерские программы в политехническом институте. Л. Шелдон, бывший голливудский сценарист, являющийся содиректором этой программы, считает, что следует больше внимания уделять написанию хороших историй для игр³⁸. Только в этой индустрии не хватает хороших нарративов.

Все это важно, поскольку и художественное пространство также может служить инкубатором новых смыслов. Например, А. Чубайс вспоминает роль «Обитаемого острова» Стругацких и юмора Жванецкого в формировании экономического языка реформаторов правительства Гайдара³⁹: «Это для нас тогда было очень остро, поскольку очень созвучно нашим обстоятельствам. КГБ, диссиденты, все это замечательно. Ну, уничтожили КГБ, а с инфляцией-то что делать? И когда из художественного языка это попадало к нам, мы это тоже, конечно, интегрировали. В художественном языке я бы назвал, может быть, неожиданную для вас фамилию – Жванецкий. Считаю, что на меня лично, на мое экономическое миро-

³³ Transmedia storytelling // en.wikipedia.org/wiki/Transmedia_storytelling

³⁴ Jenkins H. Transmedia 202: further reflections // henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html

³⁵ Jenkins H. Transmedia storytelling // www.technologyreview.com/news/401760/transmedia-storytelling/

³⁶ Rose F. The art of immersion. How the digital generation is remaking Hollywood, Madison Avenue, and the way we tell stories. – New York – London, 2012

³⁷ Бог и селедка, Интервью с А. Генисом // izvestia.ru/news/370896

³⁸ From Star Trek to the College Campus, Former Hollywood Screenwriter Takes on Top Ranked Video Game Program at Rensselaer Polytechnic Institute // news.rpi.edu/luwakkey/2790

³⁹ Чубайс А. Ни при каких условиях не могло состояться формирование правительства Гайдара. Интервью // polit.ru/article/2010/11/08/chubays/

воззрение он оказал серьезное влияние. У него есть рассказ под названием «Паровоз для машиниста», смысл которого в том, что ехать-то в советском поезде невозможно. Но он же и сделан-то не для нас, а, наверно, для машиниста, чтобы ему было удобно там рычаги переключать. Вот эта фундаментальная вещь позволила мне вскрыть закономерность, которую я до сих пор считаю очень важной, хотя она в анналы научной мысли не вошла. О фундаментальном изъяне всей советской экономической конструкции».

Или такой факт, что польская оппозиция избрала своим полем борьбы культуру, понимая, что она ничего не сможет сделать на поле силового противостояния⁴⁰. То есть культура заняла поле контрполитики, поскольку поле политики было заблокировано по идеологическим соображениям.

Под таким же углом зрения можно смотреть, только перед нами будет гораздо более мягкая форма, и на шестидесятников, и на семидесятников, которых недавно вспомнил Д. Быков, который написал⁴¹: «Россия уже дважды переживала серьезные проблемы из-за конфликта консервативного, архаичного, интеллектуально ничтожного базиса с гипертрофированной, стремительно развивающейся культурной надстройкой. Результатом первого такого конфликта была революция 1917 года, второй раз история повторилась с нашим семидесятилетним серебряным веком, когда культура и наука развивались опережающими темпами – и притом наибольшее количество диссидентов вышло именно из этих элитарных кругов: Сахаров был советским атомщиком, а не засланным казачком американского империализма». И это достаточно системный взгляд.

Современный мир создали технологии. Старый мир – старые технологии, новый – новые. Но технологии могут лишь усилить ту или иную характеристику человека, они не способны создавать нового человека. И это следует признать положительным качеством, поскольку человек еще не умеет ни управлять своими технологиями, ни предсказывать последствия их появления.

⁴⁰ Фінберг Л. Польський досвід перемоги над диктатурою // duh-i-litera.com/polskyj-shlyah-peremohy-nad-dyktaturoyu/

⁴¹ Быков Д. Русский тормоз // www.novayagazeta.ru/columns/61882.html

Социокоммуникации и социосистемы

Социокоммуникации, или социальные коммуникации, являются объединяющим понятием для всех коммуникаций социосистемы – частных и публичных. Всякая коммуникация способствует социализации, поскольку увеличивает область общих знаний и действий людей.

Социокоммуникации дают возможность выполнять следующие задачи:

- удерживать имеющееся состояние социосистемы,
- переводить социосистему в новое состояние,
- активировать или блокировать определенные параметры социосистемы.

Гарольд Иннис (Почепцов Г. Новый медиа теории – Гарольд Иннис// psyfactor.org/lib/newmedia3.htm) говорил об управлении социосистемой путем монополизации знаний. Например, монастыри он называл монополистами знаний, поскольку они хранили тексты и переводили тексты на более долговременные хранители (скажем, с папируса на пергамент) (Innis H.A. *The bias of communication*. – Toronto etc., 2003). Затем в роли такого монополиста выступает гильдия переписчиков. Далее следует печатание книг сначала на латыни, а потом на национальных языках. Запустив процесс печатания на национальных языках, человечество получает в результате национальные государства. То есть чисто коммерческий переход от печатания фолиантов на латыни на печатание памфлетов на национальных языках имел последствием современную картину мира.

СССР контролировал процесс распространения знаний как путем цензуры, так и путем усиленного печатания «правильных» текстов. Но, как показывает дальнейшее развитие, приход интернета все равно разрушил бы эту монополию, держать ее было бы сложно. Гибель СССР можно четко привязать к будущему появлению интернета.

Уже появление телевидения дало запрос на новый типаж лидера. Брежнев, читающий по бумажке, не мог сравниться с Горбачевым, который мог говорить свободно. Бюрократия тоже должна была поменяться. Ведь считается, что каждое новое поколение приходит с измененной системой ценностей. И если сегодня со вниманием относятся к приходу к власти в 2020 году нового поколения, то именно из-за того, что они несут с собой новые ценности.

Современные государства удерживают свою монополию на знания путем контроля образования. Среднее образование везде является и обязательным, и бесплатным. И отобранные знания занимают свое место в головах детей. Отсюда становится понятной борьба за школьные учебники, которая имеет место на постсоветском пространстве. Все, включая и Россию, которая, казалось бы, единственная приняла период советской истории, все равно оказались перед дилеммой создания единого учебника истории.

СССР только с 1934 года вернулся к преподаванию истории, тогда вышло постановление «О преподавании гражданской истории в школе». Как вспоминает Михаил Рабинович, сама формулировка «гражданская история» звучала непонятно, но она была отголоском семинарского образования Сталина, которое включало историю церковную и историю гражданскую.

Социокоммуникации мы можем разделить на два типа: синхронные (в рамках одного поколения) и диахронные (с прошлым). То есть коммуникации между живыми и между живыми и мертвыми (к последним отнесем, к примеру, книги и прочие коммуникативные продукты, созданные в прошлом).

Для социокоммуникаций важным элементом является количество людей, с которыми мы поддерживаем коммуникации. Английский антрополог Робин Данбар установил связь между размером мозга и объемом социальных контактов, которые поддерживает человек. Число таких контактов оказалось равно 150. В числе прочего он изучал количество поздра-

вительных открыток, которые отправляют люди. Там оказался такой расклад: четверть карточек идет к родственникам, две трети – к друзьям, а 8 % – коллегам. Но общая цифра была в районе 150. Число людей, которые жили в неолитической деревне, также 150.

Данбар объясняет это ограничение тем, что человеческий мозг является достаточно дорогим удовольствием. (Dunbar R. Theory of mind and the evolution of language // www.uic.edu/classes/psych/psych454/dunbar.pdf) Он занимает 2 % массы, но потребляет 20 % энергии. В своей книге он выдвигает гипотезу, что язык возникает как удешевленный способ социального груминга (Dunbar R. Grooming, gossip and the evolution of language. – London, 2002). Приматы удерживают свои группы интенсивным социальным грумингом. Чем больше времени уходит на груминг, тем большей может быть группа. Когда времени тратится мало, группа становится нестабильной. При выходе состава группы за пределы 150 люди не чувствуют связи между собой.

Большой мозг формируется, чтобы решать проблемы социализации. Группа из 150 особей должна тратить на груминг 40 % своего дневного времени, что невозможно. В природе зафиксирована максимальная цифра в 20 % у одной породы эфиопских обезьян. И вот обмен информацией друг о друге (сплетни) является заменителем этой траты времени.

Язык является хорошим заменителем, поскольку социальный груминг возможен только между двумя особями, а язык дает возможность обмениваться сразу с тремя. Коммуникация позволяет строить отношения, не прибегая к физическому контакту. Язык позволяет получать информацию даже об отсутствующих на данный момент особях.

Все приматы – и люди, и обезьяны – опираются на социальные прикосновения. Исследователи этой сферы четко фиксируют, что сегодняшние сплетни, возможно, заменили поиск паразитов прошлого. Человеку все время нужно удерживать и расширять свое место в человеческом обществе, поэтому желание почувствовать чужое прикосновение осталось даже тогда, когда люди потеряли свою шерсть.

Все это иллюстрирует удержание стабильного состояния социосистемы с помощью информации. Но одновременно информационные потоки являются серьезным трансформирующим фактором. Информационно выстраивается то, что должно привести к последующим изменениям.

Андрей Фурсов видит пример возрастающей роли информации в создании французскими просветителями «Энциклопедии» в XVIII веке: ««Энциклопедия» продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну и социально ориентированная, и идейно заряженная, и структурированная информация (информация специального и политического назначения), каково ее воздействие на элиты, ставящее их под воздействие определенного информпотока и открывающее их таким образом влиянию конспироструктур или даже превращающее во внешний круг последних. По сути, «Энциклопедия» – это первый пример успешной информационной войны эпохи Модерна». (Фурсов А. Кризис выплзает из ложи // zavtra.ru/content/view/krizis-vyipolzaet-iz-lozhi/)

Мы привыкли видеть в качестве информационного удара эмоционально окрашенную информацию, которая воздействует на массы. Здесь же речь идет о таком уже ударе по рациональной составляющей человека. Кстати, только сегодня воздействие на эмоции стало более объективно изучаться военными, а воздействие на разум изучается давно.

Американский ученый Джозеф Этвилл увидел в истории Иисуса первую психологическую войну, которую предприняли римляне, чтобы сделать более мирным еврейское поселение (Williams R. Story of Jesus Christ was ‘fabricated to pacify the poor’, claims controversial biblical scholar // www.independent.co.uk/news/uk/home-news/story-of-jesus-christ-was-fabricated-to-pacify-the-poor-claims-controversial-biblical-scholar-8870879.html, Римские аристократы сфабриковали историю Иисуса Христа // newsland.com/news/detail/id/1261530/, сайт его книги «Мессия кесаря: римский заговор по созданию Иисуса» –

www.caesarmessiah.com). Еврейское население ожидало прихода мессии-воина, вместо которого пришел мессия-миротворец. Это было постоянной проблемой для Римской империи. Когда империя исчерпала традиционные методы разрешения проблемы, она обратилась к психологической войне. Этвуд также акцентирует элементы контроля разума в христианстве, которые и сегодня используются для обоснования войны на Ближнем Востоке.

Джозеф Этвилл считает, что христианство начиналось не как религия, а как сложный правительственный пропагандистский проект. (Ancient confession found: 'We invented Jesus Christ' // uk.prweb.com/releases/2013/10/prweb11201273.htm). В нем была создана конкурирующая система взглядов, в которой мессия призывал подставлять вторую щеку. Создание Нового завета он приписывает Флавиям: «Последовательность событий и мест путешествий Иисуса более или менее то же, что и последовательность событий и мест военной кампании императора Титуса Флавия, описанной Иосифом. Это является прямым доказательством сознательно сконструированной модели. Биография Иисуса является реально сконструированной». И это еще один вывод исследователя Библии Этвилла.

И это не только прошлое. Например, волнения на межэтнической почве в Бирюлево в Москве в 2013 году связывают с необходимостью освободить место для торгово-развлекательного центра. (Покровскую базу покрыли воры // www.compromat.ru/page_33863.htm) Отсюда активность и интенсив в реакции на убийство москвича азербайджанцем.

Эти и другие примеры, даже будучи всего лишь гипотезами, демонстрируют широкие возможности, которые имеют коммуникативные проекты в развитии человечества. Человечество не стало бы таким, каким оно есть, без них.

Глава вторая. Информационные последствия

От врагов народа к диссидентам: чужие голоса в социосистемах

Каждая социосистема работает со своими и с чужими голосами. Различные системы по-разному пытаются блокировать чужие голоса, и все они всюду усиливают свои – такие, которые работают на их понимание стабилизации социосистемы. В систематике информационных войн даже пытаются выделить две модели реагирования на чужое (Либики): это модель замка, куда чужие голоса не допускаются, и модель рынка, где чужое ходит свободно.

С другими голосами все общества борются, особенно это касается прошлых этапов развития человечества. Относительно развития науки Вернадский когда-то написал, что еретикам всегда отрубают головы, но результатами их деятельности пользуются ученые второго эшелона, которые впоследствии начинают развивать эти идеи, получая весь позитив.

Сталин создал механизм репрессий, чтобы предупредить выступления номенклатуры против него. Номенклатура не выдерживала того мобилизационного курса, который ввел Сталин. Они хотели жить, а не бороться. А между тем приходилось работать в той же мобилизационной системе и после двух десятилетий, прошедших после 1917 года.

СССР (так же как и любая другая социосистема, хотя и с разной степенью жесткости) пытался управлять массовым сознанием в двух направлениях:

- мотивировать население к правильным поступкам,
- блокировать контрпоступки.

СССР создавал для этого внутреннее давление, которое формировало действия советских людей. Для этого использовался инструментарий физического, информационного и виртуального пространств.

Сталинская система предоставила неслыханные права даже малейшему бюрократу, но все это было сделано исключительно в отношении к тем, кто был внизу. Такие же неслыханные права имела верхушка страны относительно всех, кто стоял ниже его, а Сталин – относительно верхушки.

Кстати, сегодняшнее постсоветское пространство стоит на нуле именно потому, что мы не научились другим методам управления, кроме репрессивных. А когда репрессивные методы отошли в сторону, Советский Союз и погиб. Уже брежневская система не имела возможности применять механизм массовых репрессий.

Но наше представление о сталинской системе будет неполным, если мы не вспомним, что она готовила не только физиков, но и лириков. Это сложная система, которая готовила не только новый технологический продукт, но и нового человека. У Макаренко есть фраза, что такой системе тоже нужен был отдел технического контроля, ведь сотворение человека является не менее трудной задачей, чем создание технического продукта.

В чисто прикладных задачах, а именно так мы чаще рассматриваем тоталитарную систему, нужна ориентация на технологии, особенно имеющие отношение к военному делу. Но сталинские технологии делали людей не на уровне простого населения, они воспитали достаточно сильный отряд писателей, композиторов, ученых. На такие «лишние» задачи сегодняшнее постсоветское пространство ничего не тратит, теряя в результате более тонкий взгляд на мир и более сложный тип человека.

Правда, здесь следует заметить, что советский результат может быть одновременно остатком старой системы образования царских времен. Ведь дореволюционная гимназия

давала тот уровень, который могли затем достигать только советские вузы (Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. – М., 2009, см. также Сапрыкин Дмитрий Леонидович // www.ihst.ru/content/saprykin). А по уровню обучения инженеров дореволюционная Россия вообще вышла на первые места в мире (Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. – 2012. – № 1).

СССР был вербальной цивилизацией, где в основе было слово, но она проиграла наступлению цивилизации визуальной, основу которой составляют образы. Брежнев не мог существовать на экране телевизора, хотя мог быть генсеком эпохи газет. Программа «Взгляд» была одним из инструментов такого визуального разрушения, ибо невозможно противостоять визуальным аргументам чисто вербальными средствами.

СССР действительно был страной, где много читали, и это имело достаточно серьезные положительные последствия. Человек, который много читает, является другим типом человека в отличие от того, что родился и стал основным типом на постсоветском пространстве. И это достаточно серьезно нарушает систему образования, которая сложилась в старые времена. Без книги как базы она не дает никаких результатов.

Кстати, последние канадские исследования, например, показывают, что люди, которые читают художественную литературу, имеют в голове не простой черно-белый мир, а сложный, они готовы воспринимать неоднозначность, они более готовы к принятию решений в сложных условиях (Djikic M. a.o. Opening the closed mind: the effect of exposure to literature on the need to closure // [www-2.rotman.utoronto.ca/facbios/file/\(2013a\)%20Djikic,%20Oatley,%20&%20Moldoveanu.pdf](http://www-2.rotman.utoronto.ca/facbios/file/(2013a)%20Djikic,%20Oatley,%20&%20Moldoveanu.pdf)). Когда сегодняшнее постсоветское пространство стало нечитающим, в отличие от советского, мы потеряли этот тип более сложного человека.

Настоящий текст является коллективным продуктом. Его творит писатель, но дальше уже он творит человека. Это не процесс простого потребления, характерный для массовой культуры, где, по утверждению Умберто Эко, и автор, и читатель одновременно являются создателями текста. Текст высокой художественной ценности выше потребителя. До него еще нужно дорасти, и это работает и в высокой, но непопулярной музыкальной культуре. Но воспитать авторов высокого искусства не так просто, для этого нужны и средства, и соответствующая творческая атмосфера.

Если взглянуть на последний роман Аксенова «Таинственная страсть. Роман о шестидесятиниках» (Аксенов В. Таинственная страсть. Роман о шестидесятиниках. – М., 2009), то вас не оставит ощущение, что СССР тратил средства и не мешал, насколько это было возможно, творческой атмосфере, в которой живут герои романа, за вымышленными именами которых скрыты все известные фамилии.

Среди диссидентов советского периода было на удивление много золотой молодежи. Но в прошлом они имели травматическое событие, которое перевело их на другой уровень понимания ситуации. Уже в постхрущевские времена, когда они могли не волноваться по поводу арестов, их уровень жизни был намного лучше, чем по стране. Это четко можно увидеть по тому, что Аксенов или Окуджава, например, были детьми партийных работников.

Павловский пишет об этом времени, что шестидесятые были расцветом советской меритократии. (Молчание организовано обществом, а не властью. Интервью с Г. Павловским // lenta.ru/articles/2013/06/18/newsmi/) Он подчеркивает: эти люди чувствовали, что они не полные, но все же хозяева своей земли. Конфликт меритократии и бюрократии привел к тому, что меритократия победила, но она оказалась некомпетентной.

О шестидесятиниках метко выразился Гусейнов, что плотью они были с партийными гуманитариями, а душой – с диссидентами. Это потому, что они действовали исключительно в официальных формах активности. Правда, в результате им удалось создать свою собственную среду, которая принимала своих и отталкивала чужих.

Щедровицкий, говоря об образовании, подчеркнул, что истории проигрыша СССР никто еще не понял и не описал. (Щедровицкий П. Советское образование было пирмидой // nord-news.ru/topic/?mtopicid=545). Он говорит это в контексте выработки миллионов инженеров, которым не нашлось места в советской экономике, поскольку глобальная экономика стала в результате западной.

Кстати, появилось и необычное наблюдение о роли игровой методологии Г. Щедровицкого в развале СССР. (Роль ГП в развале СССР // methodology-ru.livejournal.com/199528.html, см. также Лебедев В. Игротехника от Щедровицкого до Ходорковского // gilbo.ru/index.php?page=vokrugigr&art=2198).

Это вариант не просто потерянного поколения, а потерянного народа. Сегодня пытаются объяснить страшный уровень смертности на постсоветском пространстве именно отсутствием духовных регуляторов (Либеральные репрессии в России: 1989-2011 гг. // dynacon.ru/content/articles/516/, Гундаров И.А. Духовное неблагополучие как причина демографической катастрофы // spkurdyumov.ru/biology/duhovnoe-neblagopoluchie/). Как пример приводится уровень смертности в Новгородской области, который снизился во время войны, а с 1943-го и вообще вдвое уменьшился. И держался на этом уровне уже до конца войны.

Генри в одном из своих рассказов писал, что Америка захватила мир с помощью сосисок и подобных товаров. То есть перед нами вариант захвата мира снизу, из мира материального. Так же религия является примером захвата мира сверху, со стороны нематериального. Невзоров предоставил достаточно яркое определение патриотизма как дешевого идеологического наркотика, под влиянием которого люди бесплатно творят очень дорогие действия. (Александр Невзоров о зачистке путинского режима, войне с Собчаком и педофилии в РПЦ. Часть 1 // tvrain.ru/articles/aleksandr_nevzorov_o_zachistke_putinskogo_rezhima_vojne_s_sobchakom_i_pedofilii_v_rpts-337245/). То есть мы все время имеем конкуренцию двух вариантов выхода на изменение поведения.

Тоталитарные государства, как это ни парадоксально, лучше управляли духовным миром человека. Возможно, это связано с тем, что они лучше представляли свое будущее, ставили перед собой цели и шли на их выполнение. Цели сегодняшнего постсоветского пространства никому не известны.

Валентинов в качестве альтернативной истории ссылается на Переслегина, который подчеркнул, что победа антигитлеровской коалиции привела к западному пути развития человечества (Четвертый рейх // odrozd.narod.ru/valentinov/stati/d.html). А это был прогресс в обработке информации (компьютеры, интернет, мобильные телефоны) за счет отказа от космической экспансии.

Щедровицкий констатирует, что не может быть хорошего образования в стране, где нет хорошей промышленности. Исчезла и онтология: раньше марксизм объяснял, как устроен мир. Поэтому современную ситуацию он определяет как онтологический вакуум.

Павловский интересно говорит о героях телеэкрана, которых мы видим на ток-шоу. (Особое мнение. Глеб Павловский // www.echo.msk.ru/programs/personalno/1103306-echo/). Он считает, они способны только на то, чтобы в случае реального врага оказаться в первых рядах с хлебом-солью. С нашей точки зрения, это и есть модель коммуникаций, где функционируют исключительно «правильные» слова.

Системы, которые могут работать с чужими голосами, сложнее. Советский Союз «сломался» на том, что он не смог удержать в себе критические информационные потоки. А система, работающая исключительно на положительных потоках, не соответствует действительности. Она делает гораздо больше ошибок, некоторые из которых затем могут становиться роковыми.

Как писал Маклюэн и другие, Средневековье было устной цивилизацией. Голос еретика в устной цивилизации мог легко быть приглушен. Инквизиция, например, могла легко отправить на костер опасного автора, и тогда вместе с ним исчезали его идеи.

Гутенберг закладывает начало печатной цивилизации. Выход книг Лютера уже не позволяет Ватикану также заглушить его, начинается новая эпоха многоголосья. Власть (светская или религиозная) вводит цензуру, пытается способствовать тиражированию нужных текстов.

Интернет предоставляет лучшие условия для существования чужих голосов. Как когда-то инквизиция, сегодня их пытаются прослушивать спецслужбы. Американская программа Prism или британская Tempora настроены именно на опасный контент. К тому же объектом интереса были и миллионы ежедневных телефонных разговоров, а не только интернет. В результате Пентагон даже закрыл доступ к статьям на эту тему в газете *Guardian* для своих военнослужащих. Все это подняло страшную бучу обсуждения. Но неужели кто-то думал, что таких возможностей нет?

При этом в истории всегда существуют жесткие (официальная цензура) или скрытые методы фильтрации контента. Как пример последнего можно вспомнить Голливуд, где, как показывают исследования, были налажены связи с Гитлером относительно цензуры фильмов.

Кстати, каждый вечер Гитлер смотрел американские фильмы. При этом он любил Микки Мауса, Грету Гарбо и не любил Тарзана. Немецкий консул в Лос-Анджелесе смотрел кино в Голливуде и предлагал вырезать некоторые вещи. Ни разу Голливуд не отказал. Фильмы студии MGM консул смотрел вместе с ее основателем Л. Маером. Он известен тем, что создал систему «звезд».

За всем этим стояли существенные коммерческие интересы. Но одновременно такая мягкая цензура имела и важные политические последствия, потому что фильмы начинали воспроизводить модель мира, которая интересовала Германию, – например, поднималась роль сильного лидера. Если Голливуд – это министерство мечты всего мира, то понятной становится заинтересованность немцев.

Коммерческая составляющая всплывает и сейчас, когда китайские цензоры участвуют в обсуждении голливудских фильмов. Китайский рынок настолько велик, что без него никак нельзя. Поэтому и последний фильм о Бонде, «Пираты Карибского моря», «Миссия невыполнима – 3», «Люди в черном – 3» – все они имеют в себе цензуру Китая. Возникают даже странные гибриды, когда Китай получает собственную версию одного из фильмов о железном человеке.

Отказ Европы от политики мультикультурализма демонстрирует сложные задачи объединения в одной социосистеме разных голосов. Вместе с тем следует признать, что именно сейчас мультикультура и мультиполитика разных тран постсоветского пространства находятся в конфликте, и это противостояние тормозит их развитие.

Цивилизации и коммуникации: новые подходы

Только человек обладает достаточно сложным коммуникативным аппаратом. Поэтому понятно, что с его помощью могут порождаться сложные социальные явления. Сегодня мы начинаем пересматривать некоторые старые представления под углом зрения новых направлений, например, нейронауки, которая предоставляет возможность объективизировать то, что ранее было невозможным.

Одновременно наше прошлое открывает в себе совершенно новые стороны, о которых мы даже не догадывались. Это, например, область изобретения первых четырех вариантов письменности, которые имело человечество^{42 4344}. Сохранилось 150 глиняных шариков, созданных пять с половиной тысяч лет назад в Месопотамии, которые рассматриваются как первые варианты устройств для хранения информации. Как оказалось, еще до изобретения письма люди хранили информацию о нужных для них объектах внутри подобных шаров.

Дж. Бениджер в своей книге «Революция контроля» говорит, что термин революция был взят из астрономии, впервые появился в политическом дискурсе в Англии семнадцатого века, когда им обозначили восстановление предыдущего порядка⁴⁵ (Бениджер – наш современник, он умер в 2010 г. в возрасте 63 лет, и «Революция контроля» его самая известная книга⁴⁶). В современном, абсолютно противоположном значении он возникает после французской революции.

Сам же он употребляет этот термин в связи с двумя вещами. Первое – это те основные коммуникативные технологии, которые возникли в конце девятнадцатого – начале двадцатого века. Это телеграф (1830-е), пишущая машинка (1860-е), трансатлантический кабель (1866), телефон (1876), кино (1894), беспроводной телеграф (1895), магнитная запись (1899), радио (1906), телевидение (1928). Второе – это то восстановление политического и экономического контроля, который был утрачен во времена промышленной революции.

Революцией контроля, по его мнению, становится комплекс быстрых изменений в технологиях и экономике, которые влияют на общественный контроль. До этого контроль власти и рынков зависел от личных отношений и взаимодействий. Речь идет о восстановлении контроля функций, которые ранее были на нижестоящих уровнях общества. В качестве одного из первых исследователей этого явления Бениджер называет Эмиля Дюркгейма, который отмечал, что индустриализация ломает барьеры в транспортировке и коммуникации, позволяя распределять товары и услуги на национальном и глобальном уровнях. А то, что бюрократия является контролирующей технологией, впервые было отмечено Вебером. Вебер привлек внимание к еще одной контролирующей технологии – рационализации. Как показывает опыт, контроль может быть усилен как на увеличении возможностей по переработке информации, так и на уменьшении объемов информации, которые нужно обрабатывать. Первый вариант реализуется сегодня с помощью компьютеризации, второй с помощью предварительной обработки информации (preprocessing).

В конце девятнадцатого – начале двадцатого века коммуникативные технологии внедрялись в работу с массовой аудиторией. Белл считал, что телефон даст возможность пере-

⁴² Woods C. Visible language: the earliest writing systems // Visible language. Inventions of writing in the ancient Middle East and beyond. Ed. by C. Woods. – Chicago, 2010

⁴³ Jarus O. Cues to lost prehistoric code discovered in Mesopotamia // www.livescience.com/40317-clues-to-lost-prehistoric-code-discovered.html

⁴⁴ Перші бази даних робили на глиняних кулях // gazeta.ua/articles/history/_pershi-bazi-danih-robili-na-glinyanih-kulyah/521692

⁴⁵ Beniger J. The control revolution. Technological and economic origins of the information society. – Cambridge, 1986

⁴⁶ In memoriam: James R. Beniger, 63 // news.usc.edu/#!/article/30189/In-Memoriam-James-R-Beniger-63

давать выступления, музыку и новости в личные дома. Популярные книги Диккенса содержали рекламные вставки. Фонограф мог передавать не только музыку, но и рекламу. Все это было направлено на усиление потребления товаров.

Результатом революции контроля становится информационное общество. Контроль Бениджер определяет как целевое воздействие в сторону заранее заданной цели. Индустриализация создает кризис контроля, который разрешают коммуникативные технологии. С кризисом контроля сталкиваются в первую очередь производство и транспорт.

Если Бениджер делал свою работу в основном на базе развития США, то ее также проверили для Великобритании⁴⁷. Авторы останавливаются на развитии железных дорог и росте бюрократии. Кризис контроля они видят в кризисе коммуникации и кризисе организации.

С точки зрения Бениджера информационное общество идет именно из кризиса девятнадцатого века. Компьютер поэтому представляет собой не новую силу, а продолжение процессов, которые возникли давно. Он считает, что никогда в истории до этого не нужны были методы контроля, которые были быстрее ветра, воды или силы животных. Этот кризис начался в Америке в 1840-е и достиг максимума в 1870-е и 1880-е.

М. Кастельс, являющийся ведущим теоретиком сети, акцентирует в своей книге следующее разграничение⁴⁸: «Наши общества все больше структурируются вокруг биполярной оппозиции между Сетью и «Я»». Сеть позволяет фрагментировать общество, вводя множество идентичностей, что ведет к конфликтным отношениям между ними.

В книге «Галактика Интернет» М. Кастельс анализирует среди прочего и сетевые общественные движения⁴⁹. Первым вариантам этого феномена уделял внимания и Дж. Аркилла. Тогда это было сапатистское движение в Мексике, на которое обратили пристальное внимание американские военные⁵⁰.

Возникли новые интересные исследования по вопросу самостоятельного овладения знаниями детьми в условиях доступа к безграничному количеству информации, которое есть в интернете^{51, 52}. Вне обязательности и строгого дозирования информации, которое характерно для школы, дети интеллектуально растут намного быстрее. Это та же проблема децентрализации, которая является главной для понимания сетевых форм.

И последняя проблема – новые смыслы для нового развития цивилизации. Стандартное требование к информационным системам акцентирует три основные функции: хранение, передача и обработка информации. Это чисто технические требования. Но для развития человечества самым важным была еще одна функция, потерянная «техниками». Это порождение новых смыслов. Ведь хранить, передавать, обрабатывать можно только то, что кто-то уже создал.

После того, как С. Кутб задал своими комментариями к Корану идеологию Аль Каиды, возникло внимание к таким текстам. Например, New York Times называет Кутба философом исламского террора⁵³. Американская государственная лаборатория Sandia Lab, работающая в области национальной безопасности, даже начинала такой проект, как поиск в интер-

⁴⁷ Weller T., Bawden D. The social and technological origins of the information society: an analysis of the crisis of control in England, 1830-1890 // Journal of Documentation. – 2005. – Vol. 61. – N 6 // www.soi.city.ac.uk/~dbawden/toni%20paper.pdf

⁴⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php

⁴⁹ Кастельс М. Галактика интернет. – Екатеринбург, 2004

⁵⁰ The Zapatista social netwar in Mexico. Ed. by D. Ronfeldt a.o. – Santa Monica, 1998

⁵¹ Davis J. How a radical new teaching method could unleash a generation of geniuses // www.wired.com/business/2013/10/free-thinkers/

⁵² Sugata Mitra // en.wikipedia.org/wiki/Sugata_Mitra

⁵³ Berman P. The philosopher of islamic terror // www.nytimes.com/2003/03/23/magazine/the-philosopher-of-islamic-terror.html?pagewanted=all&src=pm

нете подобного рода идей, чтобы на будущее обезопасить себя. То есть переход от Текста к Реальности может представлять определенную опасность, и он начинается сегодня отслеживаться. Кстати, как писатели и кинорежиссеры привлекаются в США для поиска вариантов новой опасности типа 11 сентября. Опыт проведения таких «игр» был и во времена противостояния США и СССР. Например, книга Т. Клэнси «Красный шторм поднимается» на самом деле базируется на трех американских командных играх⁵⁴. Сегодня осталось только шесть страниц отчета, повествующего о первой игре, где Т. Клэнси, кстати, упомянут как главный игрок с советской стороны⁵⁵. Сейчас все это стало известным за счет программы по сохранению виртуальных миров, под которыми имеются в виду старые видеоигры и интерактивная литература (адрес сайта этой программы – pvw.illinois.edu/pvw/). О Клэнси говорят как о загадочном писателе даже в некрологе (он умер 1 октября 2013), поскольку непонятно, откуда у него появился такой большой объем военной информации. Из первой его книги морское ведомство вырезало 100 страниц военной информации⁵⁶.

У книги о Красном шторме был еще один соавтор – Ларри Бонд, который и был морским офицером. И он говорит в своем интервью, что всю информацию можно почерпнуть из имеющейся литературы⁵⁷. Он подчеркивает, что книга вырастает из конкретной военно-командной игры. Л. Бонд работал над задачей для Центра морского анализа на тему, сколько кораблей понадобится через двадцать лет. Отвечая на вопрос, каким был Клэнси как игрок, Бонд говорит, что он был очень агрессивным и всегда старался найти необычную тактику. В другом интервью Л. Бонд подчеркивает, что Клэнси придумал новый жанр – военный триллер⁵⁸. И, кстати, именно романы Клэнси излечили Америку после Вьетнама, военным вновь стало быть почетно.

Применение более объективных методов, к которым постепенно переходят социальные науки, позволяет получать совершенно новые результаты. Например, методом эволюционного анализа удалось проследить происхождение сказок^{59, 60}. Оказалось, что «Красная Шапочка» и «Волк и семеро козлят» являются родственниками и появились впервые в Африке. В прошлом у них имелся какой-то неизвестный сегодня общий предок.

Если первой книгой, которая была подана издателю в машинописном виде, считается «Жизнь на Миссисипи» Марка Твена, то есть и претендент на первую книгу, которую сделали на компьютере. Это книга Л. Дейтона «Бомбист»⁶¹. Эта книга вышла в 1970 г. Автор следующим образом рассказывает сегодня о своем опыте работы с машиной: «Я работаю медленно, так что книга занимает более года, на некоторые ушло даже несколько лет, и я всегда «конструировал» свои книги, а не писал их. До появления машины IBM я пользовался ножницами и клеем, чтобы добавлять, изымать и менять местами материал. Получив образование в качестве иллюстратора, я не видел причин работать по принципу от начала до конца. Я считал, что рисование не начинается на верхнем левом углу и заканчивается на нижнем правом: почему же книга должна выстраиваться по прямой линии».

⁵⁴ Kirschenbaum M. Choreographing the dance of the vampires // mediacommons.futureofthebook.org/tne/pieces/choreographing-dance-vampires

⁵⁵ After-action report // drum.lib.umd.edu/retrieve/42295/RoughCutsVamp.pdf

⁵⁶ Lennox-Infante S. Remembering the mysterious Tom Clancy // www.losaltosonline.com/news/sections/books/206-books-columns/45825-remembering-the-mysterious-tom-clancy

⁵⁷ Peck M. The name's Bond, Larry Bond // www.foreignpolicy.com/articles/2013/10/10/the_name_is_bond_larry_bond_tom_clancy

⁵⁸ Interview: Larry Bond on Tom Clancy // news.usni.org/2013/10/08/interview-larry-bond-tom-clancy

⁵⁹ Tehrani J.J. The phylogeny of Little Red Riding Hood // www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0078871

⁶⁰ Красная Шапочка и Семеро козлят // www.gazeta.ru/science/2013/11/14_a_5752393.shtml

⁶¹ Kirschenbaum M. The book-writing machine // www.slate.com/articles/arts/books/2013/03/len_deighton_s_bomber_the_first_book_ever_written_on_a_word_processor.html

Как видим, компьютер создает новый тип автора, меняя писательские навыки. Легкость изменений, привнесенная компьютером, также должна отражаться на типе текста, который теперь выходит не из-под пера, а из принтера. Есть определенная потеря памяти, которую отражает старое высказывание М. Шагинян, что память находится на кончике пера.

Французский философ Бернар Стиглер говорит о пролетаризации современного общества, в котором исчезают знания и know-how⁶². Государство тоже теряет свои функции, передавая их в руки частных лиц. Сегодня также возникают не только частные армии, но и частные тюрьмы, речь уже идет о приватизации полиции. Стиглер говорит также о пролетаризации политики в том плане, что человек уже не может принять решение о начале ядерной войны, за него это делают машины⁶³. Ядерная война может начаться в автоматическом режиме еще до того, как президент страны сможет принять свое решение.

Как современный ученый Стиглер не мог обойти вниманием такой феномен, как Фейсбук^{64, 65}. Он рассматривает социальные сети в контексте процесса грамматики социальных отношений, что позволяет выделять определенные их модели для массового повторения. Они могут как интенсифицировать индивидуальность, так и разрушать ее.

Стиглер в своих изысканиях опирается на тексты Ж. Симондона^{66, 67, 68, 69, 70, 71}. Единственно, что он критикует его за незнание Фрейда. Но ключевые идеи Стиглера пришли именно оттуда. Детально информационная онтология Симондона в аспекте отличий от математической теории коммуникации, идущей от К. Шеннона, рассматривается в работе А. Илиадиса⁷². Например, если Шеннон говорит о передаче сообщения, то есть информационном контенте, который должен совпадать в точке отправления и точке получения, то Симондон – об информационном коде, который переводит информационные артефакты в нечто совершенно новое. Симондон также считал, что следует заменить понятие формы понятием информации. Есть редкие русские переводы его работ⁷³, (см. также биографию Симондона, написанную его дочерью⁷⁴). Симондон был первым, кто принес идеи кибернетики во Францию⁷⁵. Его также попытались связать с магией⁷⁶.

⁶² Lemmens P. 'This system doesn't produce pleasure anymore'. An interview with Bernard Stiegler // Krisis. – 2011. – I. 1 // www.krisis.eu/content/2011-1/krisis-2011-1-05-lemmens.pdf

⁶³ Stiegler B. 'A rational theory of miracles: on pharmacology and transindividuation' // www.lwbooks.co.uk/journals/newformations/pdfs/nf77%20interview.pdf

⁶⁴ Stiegler B. From to neuropower to noopolitics // networkcultures.org/wpmu/unlikeus/2013/03/26/bernard-stiegler-from-neuropower-to-noopolitics/

⁶⁵ Stiegler B. The most precious good in the era of social technologies // Unlike us reader. Social media monopolies and their alternatives. Ed. by G. Lovink a.o. – Amsterdam, 2013

⁶⁶ Gilbert Simondon // en.wikipedia.org/wiki/Gilbert_Simondon

⁶⁷ Gilbert Simondon // v2.nl/archive/people/gilbert-simondon

⁶⁸ Simondon G. On the mode of existence of technical objects // english.duke.edu/uploads/assets/Simondon_MEOT_part_1.pdf

⁶⁹ A short list of Gilbert Simondon's vocabulary // fractalontology.wordpress.com/2007/11/28/a-short-list-of-gilbert-simondons-vocabulary/

⁷⁰ Simondon G. Is not all creatures a transgression? // philosophyofinformationandcommunication.wordpress.com/2013/03/06/is-not-all-creation-a-transgression-gilbert-simondon-interview-1989-save-the-technical-object/

⁷¹ Individuation // en.wikipedia.org/wiki/Individuation

⁷² Iliadis A. Informational ontology: the meaning of Gilbert Simondon's concept of individuation // scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1015&context=cpo

⁷³ Симондон Ж. О способе существования технических объектов // litbook.ru/article/266/

⁷⁴ Simondon N. Gilbert Simondon biography // philosophyofinformationandcommunication.wordpress.com/2013/06/30/gilbert-simondon-biography/

⁷⁵ Chabot P. The philosophy of Simondon. Between technology and individuation. – London – New York, 2003

⁷⁶ Fabian D. Gilbert Simondon: magic, images and technology // www.waterytimes.com/index.php?no=8&location=N008C01&txt=N008C01T00#.UoiHL5KdCY

Цивилизация была создана коммуникацией. На первом этапе все было наоборот: протоцивилизации создавали свои средства коммуникации, например, в виде письменности для решения хозяйственных или религиозных задач. Но потом коммуникации сами стали задавать суть той или иной цивилизации. Телевидение в чем-то является примером отрыва коммуникации от цивилизации, которое может тормозить наше дальнейшее развитие, подталкивая общество не к прогрессу, а регрессу.

Как с помощью коммуникации трансформируются социосистемы

Общая фраза, что цивилизации создаются коммуникациями должна быть «разложена» на типы конкретного инструментария, который позволяет это делать: форматируя и формируя те или иные характеристики цивилизации с помощью коммуникативных механизмов. Это не только интенсивное воздействие на социосистемы в виде, например, цветных и бархатных революций, но и эволюционное развитие, когда последствия коммуникативных нововведений могут начать ощущаться спустя столетия. И эволюционные, и революционные коммуникативные действия трансформируют социосистемы, только с разной скоростью.

Ниже мы рассмотрим два вида переходов. С одной стороны, это примеры переходов, когда трансформация коммуникации несет в качестве последствий трансформацию цивилизации. С другой, те типы научных направлений, которые с разных позиций исследуют процессы этих трансформаций.

Г. Иннис много писал о влиянии носителей информации (папирус, пергамент, бумага как пример) на формирование и функционирование цивилизаций⁷⁷. Именно он сформулировал принцип, в соответствии с которым государство стремится к созданию связи в пространстве, а религия – во времени, и римская империя была спасена, когда перешла на более дешевый папирус, что помогло ее расширению.

Однако по поводу исключительного внимания религии к связи во времени есть вопросы. Ведь религия в виде миссионерства столь же активна и в наращивании связей в пространстве. Скорее можно говорить, что религия, как и культура, работает с другими типами текстов, которые не «сгорают» так же быстро, как тексты государства. Они остаются однотипными для многих поколений. Но они враждебны к вхождению других таких же долговременных текстов.

Государство видит опасность в информационных войнах, приходящих извне, религия – в смысловых. И если в мусульманских странах сохраняется большая связка государства и религии, то там государство будет болезненно относиться и к смысловым интервенциям. По этой причине, например, кукла Барби становится невозможной для Ирана, поскольку является чужеродным долговременным продуктом, вместе с которым входит чужая модель мира.

Коммуникативно-цивилизационным инструментарием являются такие изменения в коммуникациях (эволюционные или революционные), которые ведут к кардинальным трансформациям социосистем. В ряде случаев коммуникация может выступать в роли бабочки Бредбери, когда незначительное действие приводит к значительным последствиям.

Четким коммуникативно-цивилизационным инструментарием, например, является изобретение книгопечатания. Маклюэн, к примеру, считал, что далее произошло все: и гомогенизация людей, и промышленная революция, поскольку книга стала первым полностью однотипным продуктом⁷⁸. А гомогенизацию людей он считал предпосылкой для прикладных наук.

Создание алфавита с последующей печатью на нем книг и газет ведет к активации национализма, в результате печать создает современную карту мира, где есть национальные государства со своими границами. Б. Андерсон определяет нацию как воображаемое сообщество^{79, 80}. Воображаемым он его считает потому, что даже в маленьком государстве

⁷⁷ Innis H. Empire and communications. – Toronto, 2007

⁷⁸ Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. – Киев, 2003

⁷⁹ Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – London – New York, 2006

никто не знает своих граждан. Воображаемым оно является потому, что понятие суверенитета придумано в момент, когда рушились иерархические династические порядки.

Получается, что многое в нашей жизни держится именно на феномене не реального, а воображаемого. В том числе это касается и революций, которые зовут население к тому, чего пока нет. И как часто оказывается потом, что звали к тому, что после не было реализовано.

Делегитимизация власти в концепции Дж. Шарпа является обратным процессом^{81, 82, 83}. Это разрушение воображаемого, поскольку он считает, что государства держатся не столько на формальном, сколько на неформальном подчинении граждан. Украинские Майданы 1 и 2 являются примером массовой манифестации неподчинения власти, но в мягкой форме, поскольку это вариант ненасильственного процесса. Но речь все равно идет о «войне» не в физическом, а виртуальном пространстве. Это столкновение пространства воображаемого, пространства мечты.

Таким образом, мы имеем два основных процесса: создание воображаемого и разрушение его. Правда, и в том и в другом случае очень важными являются поддерживающие данные процессы материальные их маркировки, например, знамена на демонстрациях в поддержку или против власти.

Перенос на долговременные носители ведет к поддержке одних текстов/идей и неподдержке других (Иннис говорил о монастырях как о монополистах знаний, которые своим отбором текстов для перенесения с папируса на более долговременный материал – пергамент – по сути осуществляли цензуру знаний). Но точно так же СССР тиражировал нужные тексты и не тиражировал другие.

Сегодняшний интернет и пришедшие вослед социальные сети начали трансформацию открытости. Если в Фейсбуке или Твиттере пишут премьеры, то это говорит, по крайней мере, о новом типе открытости власти, точнее, моделировании ее открытости новым способом.

Интернет будет провоцировать волны внутренней эмиграции, в результате это может привести к появлению нового города или страны в физическом пространстве⁸⁴. То есть люди, объединившись сначала в виртуальном пространстве, затем создадут объединение в пространстве физическом.

Если христианская цивилизация изменила отношение к женщине, больному, бедному, то разрушающие ее сегодня коммуникативные механизмы ведут именно к смене модели семьи.

Бархатные и цветные революции моделируют революционность путем использования ненасильственного сопротивления, то есть антивластные действия подаются в манере, которая тормозит реагирование на них власти.

Телевидение становится фабрикой смыслов, где интерпретируется жизнь, главным ресурсом власти, как считает и много пишет на эту тему Д. Дондурей. В статье «Фабрика страхов» он подчеркивает то, что у зрителя нет способности оценить реальность предоставляемой ему информации⁸⁵: «При этом нельзя забывать, что большая часть зрителей не обладает таким важнейшим социально-психологическим инструментом фиксации художественных смыслов, как чувство дистанции, необходимым для того, чтобы освободиться от пут идентификации. Все, кто способен хоть как-то считывать и интерпретировать семио-

⁸⁰ Anderson B. Imagined communities // www2.bc.edu/marian-simion/th406/readings/0420anderson.pdf

⁸¹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. – М., 2005

⁸² Шарп Д. От диктатуры к демократии. Шарп Д., Дженкинс Б. Антипутч. – Екатеринбург, 2005

⁸³ Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict. Thinking about the fundamentals. – Boston, 2004

⁸⁴ Павлов А. Цифровой коммунизм: как облачные технологии создают цифровые сообщества // theoryandpractice.ru/posts/8152-software-is-reorganizing-the-world

⁸⁵ Дондурей Д. Фабрика страхов // www.strana-oz.ru/2003/4/fabrika-strahov

тические смыслы продуктов творчества, должны уметь дистанцироваться от рассказанной авторами истории. Подавляющее же большинство населения мира, и наша страна здесь не исключение, не способны выйти за пределы сюжета. Поэтому естественно, что зрители живут в том придуманном мире, который демонстрируется с экрана, переживая его как реальный. Разницу они не чувствуют». Вероятно, это равноценно роли кино в сталинское время, когда «Кубанские казаки» рассматривались как более точное отражение реальности, чем жизнь вокруг.

Г. Павловский также в своей книге говорит, что государство избрало для своей системы управления функцию продавать страхи⁸⁶. Поскольку оно не занимается ни медициной, ни образованием, ни наукой, у него осталась только одна функция обеспечения безопасности. Эта причина, кстати, может нам объяснить засилье сериалов про ментов и бандитов на экранах, поскольку потребность в безопасности надо как-то активировать.

Кстати, Павловский в одном из интервью подмечает еще одну характеристику выстроенного на сегодня режима⁸⁷: «Система заявила себя антиамериканской, но любую свою глупость объясняет тем, что «в Штатах так тоже делают». В другом интервью Павловский раскрывает механизм создания согласия в обществе, схожий с тем, которые применяла Германия⁸⁸: «Вы должны либо работать в формате газеты «Штюрмер», то есть все время агрессивно атаковать то или иное меньшинство (надеюсь, не евреев), чтобы создавать какую-то мнимую, временную консолидацию большинства на агрессивной основе. Либо все, что остается (я с печалью наблюдаю, как это происходит со многими людьми, которые работали и со мной в прошлые годы), – непрерывно придумывать аргументы, почему это хорошо».

Социосистема активно использует эти и подобные механизмы, чтобы выстроить то, что представляется ей более желательным. К примеру, К. Ремчуков говорит о намечающемся опыте России по созданию новой патриотической элиты⁸⁹. Это новый учебник истории, для которого уже есть кураторы. Это новые политологи, которых объединяют в новую структуру. Создаются сообщества, способные к самоорганизации, но поскольку главным мотором для их создания становится власть, в результате будет образована более адекватная для ее представлений самоорганизация. Кстати, появилась интересная гипотеза, в рамках которой по-новому взглянули на причины сталинских репрессий⁹⁰. В соответствии с ней Сталин как раз и уничтожал субэтноты, который были способны к такой самоорганизации. В довоенное время такими возможными центрами силы (точнее, контрсилы) были дворяне, священники, белогвардейцы, интеллигенция, старые инженеры.

Сейчас активно обсуждается книга «Связанные» («Connected») Джеймса Фаулера и Николаса Кристакиса^{91, 92}, (сайт, посвященный книге – connectedthebook.com, сайт лаборатории Н. Кристакиса в Гарвардском университете – christakis.med.harvard.edu). Смысл их концепции состоит в том, что многие типы нашего поведения передаются через контакты. Это осуществляется с помощью так называемых зеркальных нейронов, с помощью которых мы

⁸⁶ Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М., 2011

⁸⁷ Павловский подводит итоги // slon.ru/russia/pavlovskiy_surkovu_ob_itogakh_raboty_politika_eto_tekst_slava_ne_vyshlo_teksta-943743.xhtml

⁸⁸ Молчание организовано обществом, а не властью. Интервью с Глебом Павловским // lenta.ru/articles/2013/06/18/newsmi

⁸⁹ Началось создание структур по формированию новой патриотической элиты России // www.ng.ru/politics/2013-11-25/100_echo251113.html

⁹⁰ Резниченко С. Причины сталинских репрессий // www.apn.ru/publications/article30613.htm

⁹¹ Фаулер Д. Кристакис Н. Связанные одной цепью. Как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели. – М., 2011

⁹² Томпсон К. Вирус счастья // www.snob.ru/magazine/entry/7155

начинаем повторять видимое нами поведение в мозгу, а потом и в действительности. Таким образом, у примеру, может передаваться даже счастье⁹³.

Может переноситься и опыт из несовпадающей сферы, например, было высказано мнение, что из специалистов КВН получились хорошие политтехнологи⁹⁴. Или такой пример как роль телепрограммы «Взгляд» в перестройке, которую можно рассматривать как катализатор некоторых процессов в стране (см. разные оценки этой роли^{95, 96}). В начале ее создавали с представителями КГБ для отвлечения молодежи от слушания западных радиостанций.

Коммуникативно-цивилизационные механизмы создают новые контексты, которые ведут к иному поведению. Для обеспечения этого, в числе прочего, создаются и новые науки типа социального маркетинга, которые направлены на активацию новых вариантов поведения^{97, 98, 99, 100}. И это сегодня достаточно сильный тренд, повлекший за собой открытие соответствующих лабораторий в университетах.

Другой вариант трансформации поведения сквозь трансформацию коммуникации предлагает поведенческая динамика (см. сайт института поведенческой динамики в Лондоне – www.bdinstitute.org). Британские военные пошли именно по этому пути, заложив его в основу проведения информационных операций. Имея иную точку отсчета, они также имеют возможность критиковать проведение американских информационных операций¹⁰¹, опыт которых также анализируют и сами американцы¹⁰². Кстати, они акцентируют недостаточность просто социологических цифр для анализа человеческого поведения. Например, соцопросы в Афганистане, представленные военным, поставили на первое место у населения проблему вывоза мусора¹⁰³. Люди могли просто не понять вопроса, дать в опасной ситуации самый вежливый ответ, то есть при анализе ситуации надо иметь подключение как количественных, так и качественных методов, не веря в просто цифры.

Третий вариант предлагает теория подталкивания Р. Талера¹⁰⁴. Причем сам он именует такую деятельность архитектурой выбора, а специалистов этой сферы – архитекторами выбора. Это создание информационных и иных контекстов, которые будут вести граждан к «правильному» выбору. Частотные его примеры представляют собой введение в массовое сознание средней нормы потребления (электричества, пива и под.), что интуитивно заставляет остальных подстраиваться под эту норму. Кстати, это очень напоминает подход британских военных, которые также работают с коллективной нормой.

⁹³ Fowler J.H., Christakis N.A. Dynamic spread of happiness in a large social network: longitudinal analysis over 20 years in the Framingham heart study // www.bmj.com/content/337/bmj.a2338

⁹⁴ Карцев Д. Повелители выборов // expert.ru/russian_reporter/2012/15/poveliteli-vyiborov/?n=7743

⁹⁵ Кравченко Л. Лебединая песня ГКЧП. – М., 2010

⁹⁶ Любимов А. Мы готовили взгляд к подполью. Интервью // ria.ru/media_Russia/20131119/977949772.html

⁹⁷ Kotler P. a.o. Social marketing. Improving the quality of life. – Thousand Oaks etc., 2002

⁹⁸ Andreasen A.R. Social marketing in 21st century. – Thousand Oaks etc., 2006

⁹⁹ Bornstein D. How to change the world. Social entrepreneurs and the power of new ideas. – Oxford, 2007

¹⁰⁰ McKenzie-Mohr D. a.o. Forstering sustainable behaviour. – Gabriola Island, 1999

¹⁰¹ Mackay A., Tatham S., Rowland L. The effectiveness of US military information operation in Afghanistan 2001-2010: why RAND missed a point http://www.da.mod.uk/publications/library/central-asian-series/20121214_Whyrandmissedthepoint_U_1202a.pdf/view

¹⁰² Munoz A. U.S. military information operations in Afghanistan. Effectiveness of psychological operations 2001-2010. – Santa Monica, 2012

¹⁰³ Berg den V., Wein T. Three crucial questions about target audience analysis // www.bdinstitute.org/articles-publications/crucial-questions-about-target-audience-analysis/

¹⁰⁴ Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness. – New York, 2009

Четвертый вариант базируется на продвижении технологий связности (интернет), которые имеют существенные политические последствия. А. Росс (см. его био¹⁰⁵) говорит о следующих политических последствиях¹⁰⁶:

- эти технологии ускоряют рост социальных и политических движений,
- эти технологии обогащают информационную среду, меняя нашу способность делиться информацией и получать ее,
- новые технологии разрушают старые лидерские структуры.

С этой точки зрения интернет становится тем фактором, который ведет к построению новых социальных и политических структур.

Все это разные виды коммуникативно-цивилизационных переходов. Коммуникация становится не просто ускорителем изменений, она вносит в социосистемы свои характеристики, которые были бы невозможны без данного типа коммуникации.

¹⁰⁵ Alec Ross (innovator) // en.wikipedia.org/wiki/Alec_Ross_%28innovator%29

¹⁰⁶ Ross A. How connective tech boosts political change // edition.cnn.com/2012/06/20/opinion/opinion-alec-ross-tech-politics

Контркультура как социокоммуникативный механизм: опыт СССР

Если Польша времен борьбы Солидарности реализовывала свою контрполитику в культурном поле, чтобы бороться там, где это было возможным, а США продвигали в Европе выставки абстрактного искусства, которые финансировались ЦРУ, то однотипно контркультура использовалась и в СССР, хотя гораздо в более мягкой форме. И шестидесятники, и семидесятники были по сути людьми контркультуры, которые не хотели исповедовать соцреализм. Эти люди появляются только тогда, когда завершилась эпоха Сталина. Репрессии не исчезли, хотя заметно поубавилась их сила. И это позволило и думать, и писать по-другому.

Эпоха Андропова, который был не только генсеком, но и долгие годы председателем КГБ, характеризуется многими неясностями. Андропова отличают не только «странности» биографии (см., например, расследование журнала «Итоги», в рамках которого выясняется, что у генсека и главы КГБ были и другое место рождения, и иное социальное происхождение, и даже иные имя, фамилия и отчество^{107, 108}), но и странности действий. Он движется наверх как очень правильный коммунист, которого даже некоторые определяют как «неосталиниста». Но некоторые его действия уже не могут оцениваться подобным образом.

Движение наверх в правоверном русле может быть объяснено как единственный способ роста в партийном лифте, тем более при такой биографии, в которой спрятаны неизвестные и по сегодня детали.

В. Семичастный, бывший председателем КГБ на момент снятия Хрущева, а потом потерявший свое место, так объясняет эту замену¹⁰⁹: «На мое место поставили Андропова. Мало того, что он был, что называется, «из своих», из секретарей ЦК, но и еще в одном... в еще более важном отношении он был, так сказать, благонадежнее меня. Если я, как говорится, слишком много знал о Брежневе, и из-за этого Брежнев предполагал какую-то зависимость от меня, то с Андроповым было как раз наоборот: в распоряжении Брежнева находились две «тяжелые карельские тетради» Куприянова об излишнем усердии Андропова в так называемом расстрельном «Ленинградском деле»...»

Что касается карельских тетрадей, то в другом интервью того же Семичастного можно прозвучало следующее¹¹⁰: «Как-то [в 60-е годы] встал вопрос по Андропову, по поводу его «работы» в Карелии, когда «ленинградское дело» началось и «ленинградцев» в Карелии всех арестовали... Как председатель КГБ, я дал команду все выяснить. И вскоре мне стало известно, что Куприянов, бывший первый секретарь в Карелии (которому 10 лет дали, и он их отсидел), дал показания и письма по поводу того, что обращался и к Хрущеву, и к Брежневу, и в КПК, что это дело рук Андропова!!! Куприянов написал две тетради – целое досье на Андропова, которое потом попало в распоряжение Брежнева...»

То есть полностью «правильный» характер Андропова, который также можно списать не только на его биографию, но и на соответствующую атмосферу в стране, может быть объяснен именно таким способом. Он имел «отклонения» в биографии, в результате чего мог спасти себя только «правильным» поведением.

¹⁰⁷ Бабиченко Д. Легендарная личность // www.itogi.ru/archive/2005/40/60618.html

¹⁰⁸ Север А. Пятый пункт Юрия Андропова // statehistory.ru/570/Zagadka-proiskhozhdeniya-YUriya-Andropova-Byl-li-on-evreem-/

¹⁰⁹ Последнее откровение Семичастного // www.ogoniok.com/archive/2001/4678-4679/03-22-25/

¹¹⁰ Чекист в Кремле // gazeta.aif.ru/_online/aif/1232/12_01

В. Федорчук, ставший после Андропова главой КГБ, говорит об «искусственном создании диссидентского движения»¹¹¹. Это поднимало статус КГБ, позволяло резко увеличивать его штаты, что естественно было важно для председателя КГБ. Он также говорит о борьбе с диссидентами на Украине: «Когда я был председателем КГБ Украины, председатель КГБ СССР Андропов требовал, чтобы мы ежегодно в Украине сажали 10-15 человек. И мне стоило невероятных усилий, вплоть до конфиденциальных обращений к Брежневу, чтобы количество украинских диссидентов ежегодно ограничивалось двумя-тремя людьми. К тому же Андропов лично следил за ходом следствия по делам некоторых украинских диссидентов. Иногда задавал направление. Можете себе представить? А потом с помощью некоторых писателей во всем виноватым сделали КГБ Украины, Федорчука, которые якобы выслуживались перед Москвой».

Вновь создается образ Андропова как человека, закручивающего гайки. Но это только одна сторона деятельности председателя КГБ. Федорчук говорит и о другой: «В тюрьмы сажали в основном писателей-государственников, за границу высылались либералы, – такие как Аксенов, Бродский, Буковский. Некоторые деятели культуры были вроде бы полузапрещенные. На самом деле Андропов им тайно покровительствовал, оберегал их, создавал о них соответствующее положительное общественное мнение». Здесь далее Федорчук проясняет, кого он имеет в виду: Высоцкого, Любимова, Евтушенко. Та же ситуация имела место и с Солженицыным: «Подумайте: как сельский учитель, отсидевший в тюрьме, смог получить в распоряжение тайные архивы НКВД? Причем в его книгах многие документы банально фальсифицированы, размах репрессий многократно преувеличен. То, как лично Андропов руководил операцией по выезду Солженицына в США, – это отдельная история. Спрашивается – а зачем? Чтобы он там, в США, без малейших затруднений продолжал своими книгами разрушать Союз?»

И это уже парадоксальная картина происходящего, в рамках которой возникает разделение «врагов» на плохих и хороших. Плохие враги – сидели, а хорошие – уезжали на Запад. Но именно там они получали лучшие возможности для проведения своей борьбы.

Достаточно активную деятельность Андропова в области борьбы с диссидентами пытаются объяснить и тем, что соответственно вырос статус КГБ в глазах Политбюро, что позволяло в результате увеличивать не только статус, но и финансирование, и штаты¹¹²: «До того, как Юрий Андропов и Семен Цвигун возглавили КГБ, диссидентов в Советском Союзе насчитывалось три или четыре человека, хотя иногда насчитывают даже пять или шесть диссидентов. Понятно, что напугать Политбюро такой «могучей кучкой» было нереально, поэтому потребовалось представить диссидентство как некое массовое движение. Для этого в 1967 году было создано 5-е управление КГБ СССР, в чьи функции входило выявление лиц, занимающихся антисоветской агитацией и пропагандой и стремящихся к свержению советской власти».

Семичастный рассказывает, что когда он работал, не было даже слова такого – «диссидент». Вместо этого звучали другие слова¹¹³: «Предатель, преступник, изменник, враг народа еще, но так, осторожно уже. При мне было два дела: это Синявский – Даниэль. И дело генерала Григоренко. Сахаров здравствовал и жил здесь. Солженицын здравствовал и жил во флигеле у Ростроповичей. Мы все это знали и никому никуда не предлагали уезжать. Знаете, кого мы удалили, – Тарсиса. Тарсиса пригласили не то в Нидерланды, не то в Данию, и мы ему закрыли въезд обратно. Вот и все».

¹¹¹ О чем молчит председатель КГБ В.В. Федорчук? // www.ua-pravda.com/argumenti-i-fakti/o-chyom-molchit-predsedatel-kgb-v.v.-fedorchuk.html

¹¹² КГБ против СССР. Кто и зачем создал диссидентов // newsland.com/news/detail/id/878516/

¹¹³ Бывший шеф КГБ В. Семичастный рассказывает // www.natel.ru/smi/smi/view/23

Суммируя, можно отметить, что Андропова сопровождает бесконечная череда вопросов, на которые невозможны однозначные ответы (см., например,^{114, 115, 116, 117}). Одни пишут о его интеллекте, другие – о том, что у него не было даже высшего образования и он резался в домино на отдыхе с Горбачевым.

Нас интересует аспект внимания Андропова к тому, что можно обозначить как советский вариант контркультуры. То есть там, где по определению не должно было быть вообще контркультуры, поскольку все должны были идти широким проспектом соцреализма, да еще и строим, было большое число людей, которые двигались вне этого строя.

Контркультуру можно рассматривать как модель «гашения» протестных настроений. Вероятно, такой же путь был избран Западом, когда возникло движение «секс, рок и наркотики». Контркультура по каким-то причинам не переходит в контрполитику, хотя контрполитика переходит в контркультуру. Пример: возникновение советского авангардного искусства после революции как пример нового искусства, которое соответствовало новой политике.

Если гипотетически предположить, в чем мог быть интерес аналитиков Андропова к поддержке именно культуры, то можно выделить два типа факторов: трансформационные по отношению к социосистеме и случайные, под последними будем понимать обращения к Андропову со стороны близких людей по поводу той или иной фигуры. Правда, и в этом случае оказывается, что включение Андропова в судьбу той или иной фигуры могло иметь и другие интересы. Просьбу о помощи Бахтину принесла домой дочь Андропова. Но, например, С. Кургинян считает, то Андропов помогает М. Бахтину, поскольку его заинтересовала идея использования смеховой культуры для разрушения СССР¹¹⁸. Это, конечно, далеко идущая гипотеза, но она имеет право на существование. Ведь при Андропове анекдоты и слухи часто использовались для дискредитации тех или иных членов политбюро, что подтверждается многочисленными мемуарами (см., например, воспоминания помощника Черненко В. Прибыткова¹¹⁹).

¹¹⁴ Нагорный А. Кто вы, господин Андропов? // forum-msk.org/material/society/2525859.html

¹¹⁵ Кончаловский А. От Андропова к Горбачеву // www.konchalovsky.ru/works/articles/from_Andropov_to_Gorbachev/

¹¹⁶ Семанов С. Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки // swathe.narod.ru/Lib/History/Andropov.htm

¹¹⁷ В столе Андропова лежала папка с секретами инопланетян // earth-chronicles.ru/news/2013-01-24-38299

¹¹⁸ Кургинян С. Качели. Конфликт элит – или развал России. – М., 2008

¹¹⁹ Прибытков В. Аппарат. – СПб., 1995

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.